

Евгений Бузни

Жизнь и Любовь

Рассказы

Евгений Николаевич Бузни

Жизнь и любовь.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31183721

SelfPub; 2018

Аннотация

В каждом рассказе сборника есть элемент авторской фантазии. Иной раз это наполовину выдуманные истории, но всякий раз основанные на чём-то произошедшем в действительности. И лишь легенда о скале «Парус» является чистой фантазией. Но разве не бывает такой сильной любви, когда влюблённые готовы пойти на любые жертвы? Эта книга о жизни и любви в полном смысле слова.

Содержание

Первые знакомства	6
Тропа жизни	17
Неожиданное огорчение	24
Страничка истории	26
Новости в столовой	32
Профессор МГУ	38
Дорожное знакомство	75
Поцелуй в лоб	80
Новичок в палате	89
Такое счастье, когда тебя любят!	92
Горе горькое	105
Эпитафия	120
Конец ознакомительного фрагмента.	131

ОТ АВТОРА

Когда я пишу «От автора», то немного улыбаюсь фразе. Ведь вся книга написана от имени автора. Но так принято иногда делать авторское вступление к книге, рассказывая читателю, о чём ведётся речь. Иногда это делают литературоведы, а иной раз сами авторы. Во втором случае и делается заголовок «От автора».

На свете миллионы рассказов. Но рассказ рассказу рознь. Один – полная выдумка, когда читатель сразу говорит «Ну, это всё сказки», другой является исключительным отражением действительности, в которую нельзя не поверить. Всякий рассказ хорош, когда всему сказанному веришь.

Однажды в разговоре с известным поэтом Сергеем Островым, который написал и книгу рассказов «Обезьяна», я поинтересовался, как ему удалось узнать у человека, расхаживавшего по набережной Ялты с большой зелёной обезьяной на руке, привлекая к себе фотографов, трогательную историю, описанную Островым в рассказе. И тут я услышал неожиданный ответ: «Я всё выдумал. А с этим человеком даже никогда не разговаривал». Сказанное меня потрясло до глубины души. Ведь я поверил каждому слову в рассказе и сочувствовал обладателю обезьяны, которого сам не раз встречал на набережной. И ещё я как-то спросил Сергея Григорьевича, вспомнив его широко известную песню «Дрозды», какая разница между полевыми и лесными дроздами, о которых он так проникновенно написал стихи, ставшие по-

пулярной песней. Поэт рассмеялся в ответ и сказал, что не специалист по птицам, а писал о любви к России через образ дроздов. Вот ведь оказывается в чём дело: не так важно, было ли событие на самом деле, как важно, чтобы в рассказанное поверили, чтобы героям сопереживали. В этом и состоит талант писателя.

Мною написано немало рассказов. Все они правдивые, многие носят очерковый характер. В настоящем сборнике тоже всё правда, но здесь собраны рассказы, особенностью которых можно считать наличие в каждом из них элемента авторской фантазии. Иной раз это наполовину выдуманные истории, но всякий раз основанные на чём-то произошедшем в действительности. И лишь легенда о скале «Парус» является фантазией. Но разве не бывает такой сильной любви, когда влюблённые готовы пойти на любые жертвы? Эта книга о жизни и любви в полном смысле этих слов. Жизнь всегда должна сопровождаться любовью. Без любви – что за жизнь?

БОЯМОРЕЯ

Первые знакомства

Началась вторая половина две тысячи четырнадцатого года. Иными словами шёл июль. Волны лениво, словно прижимаемые тридцатиградусной жарой, накатывались на береговую гальку, разливаясь белой искрящейся на солнце пеной. Морская вода была настолько прозрачна, что, даже заплывая до самого буйка, можно было видеть под собой каменистое дно. А рыб, как ни странно, я наблюдал у самого берега, стоя по колено в воде. Стайка чёрных рыбёшек величиной с ладонь и поменьше увивалась возле моих ног, оплывая их то в одну сторону, то в другую сторону. Мне думалось, они должны бояться моих движений, но ничуть не бывало.

Передвигаясь ближе к берегу, я с удивлением заметил, что стайка продолжает деловито плавать вокруг моих ног, хоть хватай их руками. Да где там? Ловить рыбу в воде таким способом смешно даже пробовать.

Делаю шагок ближе к пляжу – стайка дружно за мной. Подхожу совсем уж близко – они весело проплывают у самых ног, обгоняя друг друга.

Чем я их так заинтересовал, не знаю, но эта картина продолжалась всякий раз, когда я выходил из воды. Рыбы отставали только тогда, когда я ступал, утопая в песке, на более крутое взморье, где вода была по щиколотку. И тут они внезапно пропадали из виду.

Плаваю я обычно до буйка и даже немного дальше. Вода тёплая, позволяет комфортно плавать. В то же время у буйка почти нет медуз, а за ним они вообще отсутствуют. У берега больших и маленьких медуз полным-полно. Дети, да иногда и взрослые берут скользкие существа в ладони и выносят на берег, чтобы рассмотреть получше и показать другим. Мне же медузы не очень приятны. От берега я ныряю и проплаваю часть пути под водой, не натываясь на медуз, но потом, на поверхности моря, делая гребки руками, то и дело чувствую скольжение медуз вдоль тела, под руками и ногами. Поэтому я тороплюсь к буйку. Восемьдесят гребков и цель достигнута. Тут столпотворение медуз заканчивается, я переворачиваюсь на спину и блаженствую, отдыхая и от усиленных взмахов рук и от медуз.

Однажды, как обычно выходя из воды, приглядевшись, замечаю кроме чёрных рыбок одну побольше и подлиннее, но кажущуюся сизой с чёрной полоской вдоль всего тела. Она напомнила мне севрюгу, но маленькую, или, скорее сомика с длинными усами впереди. Плыла она деловито по своим делам, не обращая внимания стайку чернушек. А следом прошмыгивает целый косяк едва заметных мальков. Он проносится совсем близко к берегу и очень быстро.

Но вот в море заходят подростки лет двенадцати, мальчик и девочка. Они, очевидно, тоже заметили раньше чёрных рыбок в воде у берега и теперь взяли с собой сачок для ловли бабочек. Чёрные рыбки тут же очутились у их ног, и девочка,

погрузив сачок в воду, пытается зачерпнуть им рыбку. Всякий раз, когда она поднимает сачок на поверхность, он оказывается пустым. Рыбёшки явно неуловимы. Мальчик опускает голову в воду, но без специальных очков глаза в море видят хуже, чем вне воды, так что все их попытки поймать ярких чёрных красавиц не увенчались успехом, и ребята, в конце концов, бросают бесполезное занятие.

Я спрашиваю охранника пляжа, не знает ли он, как называются рыбки, плавающие у берега. Он пожал плечами, говоря:

– Да кто их знает. А вы спросите у спасателя. Вон он под тентом на пирсе. Его Андреем зовут. Он рыбак и знает наверняка.

Здесь на пляже санатория Ливадия есть и охрана, пропускающая на пляж строго по санаторно-курортным книжкам, и спасатель. Это мне кажется особенно интересным, потому что у входа на соседний пляж, который обозначен, как общий, в отличие от санаторного, на дощечке чёткая надпись: «Спасание не обеспечивается». Стало быть, там люди могут тонуть, и никто за это не несёт ответственности, и об этом сразу же предупреждает надпись. Зато тут, на отгороженном забором пляже санатория, где купаются и загорают по платным путёвкам, есть спасатель. Иду к нему. На мой вопрос о рыбе он отвечает просто:

– Так они ж несъедобные.

Видимо, у него, как у рыбака, вопрос о рыбе звучит только

в плане потребительском. Я говорю, что не хочу их ловить, а интересуюсь, любопытства ради, названием. Они чёрные, но на бычков не похожи. Те головастые и с колючими плавниками, а эти узкомордые, как обычные рыбы.

Тогда он отвечает:

– Ласточки.

– Это что же местное название?

– Ну, научного я не знаю, а мы так зовём.

Попутно спрашиваю Андрея, парня крупного телосложения, успевшего изрядно загореть, похожего на атлета, приходилось ли ему кого-нибудь спасать.

Ответ прозвучал буднично, как само собой разумеющийся:

– Приходится иногда. Так пьяные ж лезут в воду. Они не понимают, что алкоголь реакцию даёт в море, схватывает судорога или сердце заходится. В шторм женщины не могут выбраться из волн. По-разному бывает.

Меня удивляет, что на соседнем пляже спасение дело рук самого утопающего. В старое советское время, помню, на всех пляжах, куда, кстати, вход не оплачивался, были обязательно спасательные круги, работали спасатели, и громкоговоритель регулярно оповещал посетителей о правилах поведения на пляже и в воде. Сейчас спасают только за деньги. А куда же идут налоги с каждого работника? Неужели не на безопасность в любом месте?

Солнце распалилось не на шутку. Иду под тент на свой ле-

жак. Отдыхающих не очень много. Ещё самое начало июля. Сезон в этом году открылся только двадцатого июня. Но вчера рабочие установили под тентом третий ряд лежаков в расчёте на увеличение числа посетителей. По два лежака ставятся вместе, и оставляется проход между сдвоенными местами для отдыха. Подразумевается, что семейные пары или друзья располагаются рядом. Но я вижу несколько упитанных женщин, для которых один лежак – это слишком узко, так что их грузные тела вполне удобно устраиваются на двух лежаках каждое. Одна из них сидит в первом ряду возле стены. Она озорно с улыбкой взглянула на меня, затем озабоченно смотрит на свои часы и спрашивает, который час. Я отвечаю, и она что-то манипулирует со своим устройством, говоря, что у них разница во времени шесть часов против Москвы.

Интересуюсь, откуда она. И в этом, кажется, всё дело. Ей нужно было завязать со мной разговор. Не думаю, что, прибыв в Ялту из Красноярска, женщина догадалась только на пляже поправить время на своих часах. Сюда приезжают отдыхать часто совсем одинокие, которым крайне важно с кем-нибудь познакомиться и даже подружиться, а иногда временно отпущенные мужем или женой в санаторий Крыма, только что ставшего российским, пытаются приятно провести время в компании. И тем, и другим нужен повод для знакомства, и тут уж узнать время верный способ начать разговор. Но с моей комплекцией худого легкоатлета этот номер не прохо-

дит. Ей нужно что-то посолидней. А такие на пляже есть.

Меня же увлекла, правда по-своему, совсем иная особа, за которой я несколько дней наблюдаю. Это девчушка лет четырнадцати. Худенькая, высокая для своего возраста, с длинными каштанового цвета волосами, заплетенными в одну тугую косу, начинающуюся чуть ли не от самого лба, проходящую по всей голове и потом уже ниспадающую вниз до пояса.

Но заинтересовался я не причёской, а поведением девочки. Как мне стало ясно из моих наблюдений, она приехала в санаторий со своей мамой, такой же худенькой и довольно молодой женщиной, но несколько ниже ростом, и родителями этой мамы, то есть бабушкой и дедушкой девочки. Я обратил на них внимание сначала на пляже. И вот почему.

Мне показалось странным, что в море плавают пожилые бабушка с дедушкой, мама девочки лежит, загорая на расстеленном на гальке полотенце, а девочка одетая в лёгкое платьице в резиновых сандаликах на ногах, стоит у самого моря и не купается. Кто кем кому приходится, я догадался позже. Но сразу было понятно, что девочка очень любит своего деда. Когда он выходил из воды, крепко сложенный, я бы не сказал мускулистый, но жилистый, с короткими седыми усиками над верхней губой, и останавливался, принимая солнечные ванны, девочка всё время была возле него, боксировала его грудь маленькими кулачками, обнимала, буквально повисая у него на шее. Да, дед был её любимцем. И, не смот-

ря на то, что он совершенно невозмутимо воспринимал все её действия по отношению к нему, казалось бы, никак не реагируя на её ласки, не было никаких сомнений, что он тоже обожал внучку, позволяя ей делать с ним всё, что ей заблагорассудится.

В столовую они тоже приходили вчетвером. Столовая представляет из себя один банкетный зал с большими окнами, в которых, как на картинке, видны кипарисы, горы и голубое небо. Места всем за столами хватает, так как санаторий заполнен далеко не на сто процентов. Сказывается политическая ситуация. Известная всей стране здравница страдает недостатком клиентуры: с Украины обычный поток отдыхающих прекратился, а из России едут половина по социальным путёвкам, половина платит наличными, но проблема с транспортом ограничивает количество желающих провести лето в Крыму. На паромной переправе очереди и бывают задержки из-за штормовой погоды, а самолёты не всем доступны, да и не каждый любит.

За столик семья садилась все четверо. Коллективно выбирали по меню пищу на следующий день в ожидании, пока официант принесёт вчерашний заказ на сегодня. Девочка привередничала, и видно было, что она находилась в семье на привилегированном положении и умела быть капризной. Это не могло не бросаться в глаза и на пляже.

Как-то раз, стоя по пояс в воде в созерцании окруживших мои ноги рыбок-ласточек, я бросил взгляд на берег и увидел

стоявшую неподалеку от меня принцессу, как я мысленно обозвал девочку. Она была в купальнике, но по-прежнему только осторожно трогала воду ногой, будто ощупывая её. Я весело пригласил её:

– Заходи, не бойся! Посмотри, какие тут рыбки плавают.

Девочка скривила губы и, ничего не ответив, отошла от воды.

Я выбрался на берег и по пути, проходя мимо девочки, неожиданно спросил:

– Знаешь, как тебя зовут?

– А то, – услышал в ответ.

– Такого имени нет Ато, – рассмеялся я, хотя прекрасно понял современный лексикон молодых людей.

– А то не знаю, – закончила она фразу, но имени своего не назвала.

– А вот и не знаешь, – сказал я. – Тебя зовут Бояморя.

– Как это? – удивилась девочка.

– Бояморя означает боящаяся моря, – пояснил я. – Ты уже большая. Тебе надо вырабатывать свой характер и не бояться моря. Ты почти взрослая. А то я тебя буду звать Бояморя.

Девочка опять скривила губы и отошла от меня к выходящему из воды деду.

В это время солнце скрылось облаком, за которым давно уже со стороны Ялты мрачно наступали тучи. Здесь ещё светило солнце, а над городом уже сверкали молнии и громы-хал гром. Надвигалась гроза, и загорающие на прибрежной

гальке заспешили под навес на верхнюю бетонированную площадку, быстро подхватывая полотенца, сумки и одежду, словно только теперь почувствовали опасность.

А и правда, внезапно подул ветер, посыпались редкие капли дождя, следом за которыми мощным потоком хлынул ливень. И уже все лежаки под навесом оказались занятыми, а люди продолжали бежать под укрытие, весело хохоча и стряхивая с себя успевшую налететь воду.

Бояморя с дедом, мамой и бабушкой успели до ливня на свои четыре лежака во втором ряду, так что полившиеся с тента потоки воды их не доставали своими брызгами.

Гром трещал и бухал у нас над головами, перекрывая собою барабанную дробь ливня по нашей крыше. Значит, мы в эпицентре грозы, а это значит, что она скоро кончится. Так и произошло. Шум падающих струй потихоньку смолк, тучи разорвались, появилось небо, а за ним и солнечные лучи. Сами собой мне пришли в голову стихи:

Пролился дождь.

И вот уже угас.

Фонтаны брызг не светят больше.

Не знаю, но кому-нибудь из нас
от этого, наверно, горше.

Мне кажется: пролилась чья-то жизнь,
пожертвовав мгновенно многим,

как будто строки вдруг оборвались,
не додышав на полу-слоге.

Ведь что такое дождь?
Переполненье,
когда не в силах тяжесть удержать,
когда крепленья все перегорели,
и полным каплям некуда бежать.

Тогда срываешься и очищаешь душу:
любовь — так вся,
а ненависть — до дна.
Но ливня нет, и стало суше,
исчезли струйки у окна.

Вот такие ассоциации с дождём, который быстро прекратился. Многие сидевшие на лежаках и стоявшие возле них начали одеваться и уходить. Приближалось время ужина. А подъём в санаторий через лесопарковую зону отнимал, как минимум двадцать минут, если добираться на двух подземных лифтах. Я же предпочитал подниматься по многочисленным вкопанным в землю цементным лестницам. Как-то при подъёме я насчитал свыше семисот ступеней. Преодолеть их мне удавалось за пятнадцать минут, что выходило быстрее, чем подниматься двумя лифтами с их длинными подземными коридорами и с небольшим, но существен-

ным для ленивых отдыхающих переходом по лесной дороге от нижнего лифта к верхнему. У иных отдыхающих подъём на лифтах занимал все полчаса, но зато малой кровью, то есть без особого напряжения. Правда, не всех могло радовать проходка по подземному коридору к лифту. Попадая в него с изнурительной жары, ощущаешь ледянящий холод подземелья, заставляющий сразу что-то накидывать на плечи для утепления. Но зато лифтом комфортнее.

Бояморя со своими предками, конечно, не стала подниматься по лестнице, а пошла на лифт.

Тропа жизни

На следующий день, первая половина которого, как всегда, посвящалась процедурам, после обеда я отправился на прогулку по Солнечной тропе, о которой много слышал. Вообще-то она раньше называлась Царской тропой, поскольку начинается от Ливадийского дворца, в котором некогда проживали царские особы. Для их пеших прогулок она и была проложена в лесу вдоль моря на высоте 134 метра, как пишется, НУМ, то есть, если расшифровать сокращение, получится «над уровнем моря». Но это в самом начале тропы, там, где расположены солнечные часы – объект для съёмок тех, кто их замечает. Дальше тропа несколько поднимается до 140 НУМ, после перехода через шоссе у поворота на нижнюю дорогу добирается до высоты 160 НУМ, а в районе Ласточкина Гнезда она уже возвышается над морем более ста семидесяти метров.

Но прежде, не пройдя и километра по тропе, вам попадается препятствие, хоть и небольшое, но всё-таки. Путь преграждает ручеёк, через который кто-то ухитрился положить деревянный трап, а следом за ним лежит поваленное ураганом дерево. Под него приходится проныривать. Это давнее препятствие. Никому не приходит в голову его устранить, а, может, не находятся деньги. В советское время энтузиасты ялтинской школы номер семь во главе с учителем географии

Саньковым приводили в порядок эту тропу, как и другие лесные тропы вокруг Ялты. С тех пор прошла много времени, а новых энтузиастов не видно. Теперь всё на коммерческой основе, а посчитать выгоду от прогулочной тропы никому не приходит в голову, ведь по ней ходят бесплатно. Это на водопаде Учан-Су придумали брать деньги за подход к нему, видимо, вспомнив, как Остап Бендер догадался брать деньги за вход в провал, а тут пока ходят без билетов.

Многие гуляют только до беседки, откуда открывается великолепный вид на санаторий Нижняя Ореанда. Там, далеко внизу, под скалами, в густой зелени замечательного парка, возле озера с плавающими белыми лебедями гуляют элитные отдыхающие. Стоимость путёвки в этот санаторий втрое выше ливадийских путёвок, тогда как и в Ливадии отдохнуть может позволить себе далеко не каждый.

С высоты беседки можно увидеть и знаменитый гигантский платан, посаженный в самом центре санаторного комплекса ещё в начале восемнадцатого века при закладке дворцового парка императора Александра Первого. На памятной доске написано, что «Мощью и великолепием платана в разное время наслаждались поэт А. Некрасов, писатели А. Толстой, И. Бунин, А. Чехов и художник Н. Айвазовский».

Недалеко от беседки отходит небольшая, метров двести, тропинка, экзотически проложенная мимо скалы сквозь лесную чашу, ведущая прямо к санаторию, для входа в который нужен специальный пропуск или санаторная книжка, позво-

ляющая проживать в корпусах со впечатляющими названиями «Кремлёвский», «Империял» и других не менее важных.

Солнечная же тропа тянется более шести километров и дважды прерывается шоссейной дорогой, в результате чего невнимательный путешественник может не найти продолжения тропы и пойти по дороге, что собьёт его с правильного пути, и он потеряет прекрасную возможность тесного контакта с природой ЮБК, что опять же можно расшифровать как Южный берег Крыма. А природа эта восхитительна! Её, конечно, можно наблюдать и с асфальтированного покрытия проезжей части и даже из окна автомобиля, но по-настоящему осознать всю прелесть леса можно только, идя по тропе.

Во-первых, только на ней ощущается лесная прохлада, ибо кроны деревьев почти смыкаются над головой. Только, оказываясь в гуще или чаще леса, твоё дыхание сливается с дыханием деревьев, кустов, высоких трав. Здесь, именно здесь, становится понятным, что ты являешься частичкой этой природы, этого великолепия щебетания птиц, громкого уханья дикого голубя или редкого зова кукушки. Но их ты слышишь лишь тогда, когда местами прерывается нескончаемый трезвон цикад.

Неумолчный звук этих странных насекомых перекрывает всё на свете. Я даже затрудняюсь его назвать. Это не жужжание пчёл или шмелей, не стрекот кузнечиков в поле, не пение птиц, но, когда ты идёшь по лесу знойным летом, такое впечатление, что стоит звон в ушах. Вот именно звон. Слово

найдено. Цикады как будто звенят, хотя звонить им буквально нечем. Всего лишь тонкие крылышки да пузатое тельце, напоминающее собой большую муху.

В детстве мне доводилось ловить цикад. Но, должен сказать, что требуется большое терпение и выдержка, чтобы суметь схватить эту большую муху. Она очень чувствительна. И как только заметит, что кто-то подбирается к ней, мгновенно улетает. Поэтому взбираться по дереву нужно, внимательно прислушиваясь к тональности её звона. Когда она звенит упоённо, ничего не замечая, можно осторожно ползти вверх. Но как только её чичиканье становится медленнее, сразу замри на месте, в каком бы положении ты ни был. Ни качка ветки, ни лишнего движения. Сколько раз случалось, что ты уже почти добрался, видишь перед самыми глазами звенящую цикаду, протягиваешь руку, но она вдруг медленно производит крылышками чи-чи-чи и тут же срывается в полёт. Но зато, сколько радости, сколько счастья, когда удаётся схватить цикаду, чтобы потом отпустить. Тут важен охотничий азарт, проявление настойчивости и умения.

Некоторые стволы бука или граба обвиты крепкими лианами ползучего плюща, покрывающие весь ствол маленькими зелёными листочками. Но для таких гигантов плющ не такая уж и помеха. Другое дело, когда плющ забирается на молодые тонкие деревца. Тогда они сохнут и погибают, а вредный плющ перебирается на следующую жертву. Хотя не очень-то он и бесполезный. В далёкой древности из плюща

вились венки и надевали их молодожёнам на головы. А бог любви Вакх изображается всегда с венком из плюща. Так что к этому растению вестма почтительно относились.

В тенистой чаще, благодатной для плюща, живут и чудесные красавицы крымские сосны, укрывая под собой землю толстым покровом опавшей хвои и шишками. Под дубами, грабами, буками пожухлая многолетняя листва. Здесь не парк – её никто не убирает.

Всё это великолепие деревьев сходится верхушками над тропой, создавая своеобразную крышу от солнечных лучей, в какой-то степени дождя, да и ветра. Поэтому, идя по кажущейся сумрачной тропе, можешь чувствовать себя в относительной безопасности от сил природы. Только изредка возникает вопрос, почему тропа названа Солнечной, если само солнце на неё почти не проникает. Но, конечно, нет-нет, да и раскрывается она светлему небу, выходя на открытые просторы, когда деревья вдруг расступаются, открывая замечательные виды на далёкое внизу море с его скалой Парус и Ласточкиным гнездом по одну сторону и Ялту с Медведь-горой по другую. Тогда-то и проливаются солнечные лучи, обдавая своим летним жаром, заставляющим желать поскорее снова окунуться в лесную чашу.

Но что это? Меня привлёк не шелест листьев, так как движение совершенно бесшумно, а именно какое-то едва уловимое движение в траве. Неужели змея? И точно. Но какая же огромная. Она быстро уползает в сторону от тропы, и её

серое ленточное тело скрывается за скалой. Она похожа на удава, но это явно не удав. Они здесь не водятся. Неужели мне посчастливилось увидеть редкого гостя полоза? Каким ветром его сюда занесло, какие такие неотложные дела его привели в эти края? Обычно он проживает гораздо выше. Полоза бояться нечего. Это совершенно безобидное существо. Я очень доволен своей удачей.

Время от времени я обнаруживаю радующие глаз надписи, выгравированные некогда неизвестными дотошными людьми на огромных каменных глыбах: «Вы прошли тысячу метров», «Вы прошли четыре тысячи метров» и так далее, пока не попадаю к самому концу тропы у санатория имени Розы Люксембург. Тут, как специально, мне встречается рыжая белка с пушистым хвостом. Она прыгает с ветки на ветку и останавливается, как бы приглашая её сфотографировать. Что я незамедлительно и делаю.

Вышагивая по тропе километр за километром, невольно задумываешься о красоте и величии природы, в которой хочется жить. Это не город с его вечной сутолокой, мечущимися в разном направлении машин, трамваев, троллейбусов, с их громом, звоном и выхлопами газов среди каменных глыб домов вдоль улиц и площадей, по которым снуют толпы людей, безразличных к твоей судьбе, занятых своими бесконечными проблемами.

В лесу, на тропе, ты один на один с природой, которая, кажется, тебя понимает и тебе сочувствует, живёт с тобою

вместе, это тропа жизни.

Неожиданное огорчение

Возвращаюсь в Ливадию тем же неторопливым, но бодрым шагом. На весь путь туда и обратно ушло три с половиной часа. К ужину успел, но соседей моих – девочки, имени которой я так и не узнал, и её предков – уже не было. Только на следующий день за завтраком я увидел сидящих за столом маму, бабушку и дедушку, но без самой девочки.

– А где же ваша Бояморя? – смеясь, спросил я.

Неужели, думаю, оказалась ещё и сплюшкой и проспала завтрак?

– Она, к сожалению, заболела, – ответил грустно дедушка. – Мы должны вас за это поблагодарить.

Такой оборот дела меня сразу насторожил и отнюдь не обрадовал. Я, естественно, сразу заинтересовался:

– А что случилось?

Ответ меня поразил:

– Дело в том, что Оксаночка (девочку, оказывается, звали Оксана) никогда раньше не заходила в море, как мы её ни уговаривали. Она очень упрямая. А мы никогда её не заставляем что-то делать. Но вчера после обеда вас на пляже не было, а Оксаночка вдруг разделась, вошла в море почти по пояс и села так, что одна голова торчала над водой. Я бросился к ней, испугался, чтобы она не захлебнулась, а она говорит: «Отойди, деда, я буду характер вырабатывать. Меня

дяденька обозвал Бояморя, потому что я моря боюсь». Мы сначала обрадовались тому, что, наконец-то, она решилась хотя бы помокнуть, но она долго сидела и ни в какую не хотела выходить. Видимо, вас ждала. Ну, а когда вышла, то у неё зуб на зуб не попадал. Вечером, как и следовало ожидать, слегла она с температурой тридцать девять и шесть. И сейчас лежит вся мокрая от пота. Так что спасибо вам за совет по выработке характера.

Услышав рассказ, мне стало не по себе, и я пробормотал:

– Извините меня, но это же дикость какая-то. Ведь надо же закалять девочку. Как же можно быть у моря и не купаться? Да нельзя же во всём потакать ребёнку. А если она в огонь полезет, вы тоже ей позволите? Нужно было окунуть её и сразу же растереть сухим полотенцем до жара. Это же элементарно.

– Она у нас слабенькая, хрупкая, – вставила горестно бабушка.

– Так потому и слабенькая, что никто не заставил её закаляться и заниматься спортом.

Словом, разговор получился для меня неприятным. Моё пребывание в санатории в этот день заканчивалось, и я уехал из него с чувством своей вины перед девочкой и её родными. Кто знает, как сложится её судьба после этой простуды, которая может перейти в воспаление лёгких?

Страничка истории

А через год, в две тысячи пятнадцатом, я опять приехал в Ливадию: уж очень понравился мне этот санаторий. Прежде всего, как историческое место. Не говоря уже о том, что в этом году исполнилось девяносто лет со дня образования здесь здравницы для трудящихся, санаторий известен проведенной здесь во время войны в 1945 году конференцией трёх держав: Англии, США и России. По случаю семидесятилетия победы над Германией в этом году возле Ливадийского дворца установили памятник, посвящённый встрече руководителей государств. Архитектор изваял Сталина, Рузвельта и Черчилля, сидящими на скамейке. Памятник сделан по широко известной фотографии. Хорошо прочитываются несколько ироничное выражение на полном лице Черчилля, раздумчивое лицо Рузвельта и строгий вид Сталина с его неизменной трубкой в руке.

Сейчас эти фигуры находятся как бы на отшибе, выше клуба-столовой, и я, принимая три раза в день пищу в столовой, некоторое время не замечал этого памятника, пока мне не сказали, что нужно подняться к нему по лесенке. И экскурсантов туда водят гиды, показывая дорогу. Ко мне как-то подошёл молодой китаец и, показывая открытку с изображением сидящих на скамейке знаменитостей, спросил на ломанном русском языке, где их можно увидеть. Я уже знал

и объяснил, как пройти.

Но такое положение, как говорят, временное, так как в перспективе планируется, что этот участок будет началом экскурсионного маршрута, и там будут останавливаться все автобусы с туристами. Тогда, может быть, будет меньше теряющихся в поисках людей. А интерес к памятнику большой. Ведь лидеры трёх государств на конференции решали вопросы, которые затрагивали судьбы почти всех стран планеты.

В этот мой приезд, когда я впервые смотрел на памятник, мне вспомнился старый анекдот о Сталине и Черчилле. Не знаю, рассказывают ли его сейчас экскурсоводы. А он интересен и замечательно характеризует Сталина.

Во время проведения Ялтинской конференции президента США Ф.Рузвельта по причине того, что он передвигался в коляске, поместили жить в Ливадийском дворце, в котором и проходила конференция. А премьер-министра Великобритании устроили в замечательном Алупкинском дворце. Дворец очень понравился Черчиллю и при встрече со Сталиным он долго его расхваливал. Сталин никак на это не реагировал. Тогда Черчилль спросил у Сталина, правда ли, что у грузин есть такой обычай дарить гостю то, что ему особенно понравилось, намекая на национальность Сталина. На это Сталин ответил, что есть такой обычай у грузин, но так как Сталин является главой русского государства, то он помнит и русские обычаи. Один из них загадывать загадку. «Поэто-

му, – говорит Сталин, – я загадаю тебе одну, если хочешь. Отгадаешь – дворец твой, можешь его забирать. Согласен?» Черчилль охотно согласился. Тогда Сталин показал Черчиллю три пальца на руке: большой, указательный и средний, согнув безымянный и мизинец, и спрашивает: «Какой из этих трёх пальцев средний?» Черчилль посоветовался с советниками и показал на указательный палец. Тогда Сталин сложил три пальца в кукиш и сказал: «Нет, вот этот. Не угадал загадку – не получаешь дворец».

И вот однажды меня просто потряс один случайный эпизод. Выйдя из столовой на верхнюю дорогу, я направился вниз к выходу с территории санатория. Навстречу идёт молодой человек и обращается ко мне с вопросом, к которому я успеваю привыкать, где найти памятник. Я мог бы просто сказать, что нужно пройти мимо здания столовой, но меня удивило в вопросе, что молодой человек назвал лишь одну фамилию Рузвельта. Другие интересовавшиеся памятником обычно называли всех трёх лидеров государств или не называли их вообще по фамилиям, а спрашивали, где памятник с фигурами. В последнем случае мне было любопытно узнать, знают ли они вообще историю, но я их об этом не спрашивал, а просто указывал дорогу.

В этот раз я не удержался и спросил юношу:

– А кто ещё на памятнике? – словно это имело значение для того, чтобы объяснить дорогу к памятнику.

Парень подумал немного и ответил:

– Ещё Черчилль.

– А третий кто? – продолжаю спрашивать я, ни секунды не сомневаясь, что получу правильный ответ.

Каково же было моё изумление, когда парень замялся с ответом и, наконец, произнёс:

– Ну, ещё какой-то деятель.

То есть он не знал главного фигуранта конференции, о котором Уинстон Черчилль говорил по случаю 80-летней годовщины со дня рождения Сталина так: «Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

Молодой человек не знал имени, которое десятки лет у всех на слуху, он не знал имени человека, сделавшего из лапотной России великую державу, он назвал каким-то деятелем человека, без имени которого невозможно представить себе историю России. А ведь молодой человек шёл к его памятнику и говорил на русском языке. Зачем же он шёл, если не знал совершенно истории?

Но Ливадия привлекает меня не только своей историей. Как всегда восхищает парк гигантскими платанами, рядом с которыми высокие кипарисы выглядят подростками. Изумительно выглядят на фоне густой зелени большие белые цветы магнолии. Поражает мощными ветвями-бивнями мамонтово дерево. Красуется своим изяществом ель атласская, существенно отличающаяся от кедра атласского сизого. Ель низ-

кая и словно девица распустила по земле бальное платье, а кедр высок и могуч. Неподаляку от него пристроился большой инжир с его резными листьями, напоминающими кружевные салфетки, Ягод пока не видно. Тут же ещё более высокий и с толстыми ветками стоит задумчивый каштан. Но это не тот съедобный каштан, чьи жареные плоды очень нравятся людям. Зато из каштанов этого дерева можно делать с помощью спичек разных человечиков и животных. Возле нашего третьего корпуса, в который меня определили, пейзаж украшают ленкоранские акации. Они существенно отличаются от нашей белой акации розовыми пушистыми цветами. Многих изумляет павловния с огромными листьями, напоминающими лопухи, и крупными ягодами, к сожалению, несъедобными. А, может, к счастью, так как никто не ломает ветки, чтобы добраться до ягод, свисающих крупными гроздьями. Возле павловнии обязательно производят съёмки фотоаппаратами и мобильниками.

Повсюду растут раскидистые ели, пальмы и всенепременно кусты лавра благородного, у которого не только фотографируются, но и от которого тайком отщипывают листочки, чтобы убедиться в том, что это та самая приправа, что продаётся в магазинах маленькими пакетиками, и тут вдруг в таком изобилии. А ягоды можжевельника колючего пробуют на вкус.

Вдоль дорожек, уступая в соперничестве лавру, но прекрасно украшая путь легко формирующимися кустами, рас-

тёт прижившийся на южном берегу Крыма самшит, родиной которого являются Болеарские острова. А за ним виднеется дерево мушмулы японской с крупными как у магнолии листьями. Ну и совсем рядом колючий куст шиповника, полный ягод, но ещё пока зелёных. Все стены увиты глицинией с красивыми кисточками голубоватых цветов, которые, между прочим, сладковатые на вкус. Те дети, которые пробуют их, хорошо знают об этом. Сами ветки глицинии необыкновенно крепкие и способны прорасти даже сквозь стены домов.

Новости в столовой

В этом году в Ливадийском санатории много нового. Помимо недавно воздвигнутого памятника лидерам государств, новшество внесли и в рядом стоящую столовую. Кормить отдыхающих стали, во-первых, в двух других залах с большими окнами, смотрящими на ялтинские горы и море, а во-вторых, по западной системе, внедрив шведский стол, то есть самообслуживание: выбирай из предложенного, что хочешь, и ешь от пуза, если есть охота.

Последние два слова в моём предложении можно понять двояко: «есть желание» или «кушать охота, то есть хочется». Одно значение не исключает другого, но таков русский язык – понимай, как хочешь, или как знаешь.

Еда выставлена на металлических противнях буквой «П». В первый с самого края утром помещаются ломтики сыра мягкого и твёрдого, в обед нарезанные опять же ломтиками яблоки, бананы или высыпает горкой черешню, любимая ягода, которую женщины и дети насыпают себе в тарелки до упора и не съеденную за столом берут с собой на море. Естественно, тем, кто пришёл позже, ягоды не достаются, и им приходится либо ждать, пока официант принесёт новую порцию, либо, не дождавшись, кусать локти и обходиться без ягод.

На следующих трёх противнях можно выбрать закуски:

салаты из свежей капусты с помидорами и огурцами, отварную капусту, морковь, свеклу, винегрет, маринованный лук, селёдочный салат, болгарский перец, печёные баклажаны, иногда выкладываются отдельно помидоры и огурцы. Не всё, конечно, сразу – в разные дни разное.

Дальше по перекладине буквы «П» идут противни с разнообразными вторыми блюдами. Тут и каши на масле: рисовая, гречневая, перловая, пшённая, гороховое пюре, и варёная фасоль лоби, и картошка отварная или пюре, и макароны или вермишель, и тефтели рыбные или мясные, и фаршированный перец, и тушёная приспущенная рыба, и отварная курица маленькими кусочками в соусе, и мясо, тоже мелко нарезанное в белом соусе, плов, рыбные котлеты, кальмары в соусе, ленивые вареники и ленивые голубцы. Да мало ли блюд на Руси? Богат выбор у шеф-повара, и он им пользуется.

Затем противни кончаются и стоят глубокие тарелки со сметаной, майонезом, горчицей, хреном, кетчупом, вареньем, бутылочки с приправами и даже тарелочка с мёдом на любителя, а уже следом за ними возвышаются открытые бачки с первыми блюдами: куриный бульон, борщ, щи, рассольник, супы – овощные, с вермишелью, картофельный, харчо, и с молочными кашами: овсяная, геркулес, манная, пшеничная.

В каждой бачке половник, возле каждого противня ложки или ухватки для накладывания салатов или котлет. Подно-

сами в столовой пользуются только официанты для уборки посуды со столов, а посетители столовой, беря салаты и вторые блюда, используют плоские тарелки, уложенные стопками почти возле каждого блюда.

Для первых блюд красивой горкой уложены чашки с двумя ручками по бокам. В такую чашку уместается не более двух половников жидкой пищи. Я думаю, что, если бы использовались глубокие тарелки, то многие наливали бы себе по три половника, и расход первых блюд был бы больше. При этом вспоминается история с кока-колой.

Однажды к руководителям компании, производящей кока-колу, пришёл неизвестный человек и сказал, что у него есть предложение, как повысить доходы компании, но прежде чем сказать его, он подписал договор на один процент ему от дополнительных прибылей, если таковые будут.

А суть предложения состояла в том, чтобы несколько уменьшить размер бутылочки, в которой продавалась кока-кола, сохранив прежнюю цену. Дело в том, что наблюдательный человек, предложивший эту идею, заметил, что многие пользователи кока-колы не допивают содержимое большой бутылки, выливая остаток на землю.

Компания согласилась с предложением, уменьшив размер бутылок, что принесло такую баснословную прибыль, что автору идеи не хотели платить процент по договору, но он выиграл судебный процесс и стал миллионером.

Мне кажется, что использование чашек для первых блюд,

преследует такую же цель, как и применение тарелок для закусок и вторых блюд. Можно, конечно, брать вторую и третью тарелки, если хочется положить себе побольше, как и вторую чашку, но это будет создавать проблемы с местом на небольшом столике, рассчитанным на четверых. Так что психологически посетитель столовой сразу настраивается на то, чтобы всё уместить на одной тарелке и в одной чашке. Тем более, что нужно брать ещё и напитки, находящиеся в термосах – это чай чёрный и зелёный, компот, какао, напиток каркаде, кефир для тех, кто питается по диете.

Однако по четыре человека садятся за столы редко. Всё больше трое, двое и одиночки. «Можно ли к вам подсесть?» – спрашивают редко. В этом году, как мне объяснили, количество отдыхающих меньше, чем в прошлом году, поскольку в этом году нет социальных путёвок, как было раньше, поэтому заполнен только третий корпус, а другие пока пустуют. И я практически сажусь всё время за один и тот же стол недалеко от окна, чтобы созерцать природу во время еды.

На соседнем столике вижу картонку с надписью «Резерв». Мне кажется странной такая надпись на столе, когда столовая не заполнена. Интересуюсь у проходящей официантки:

– Для какой шишки вы зарезервировали стол?

Она отвечает, улыбнувшись:

– Это обычный отдыхающий, но нервный. Однажды, когда он сел обедать, к нему кто-то подсел, и он рассерженный

ушёл, оставшись голодным. Тогда мы пошли ему навстречу и зарезервировали стол.

Вскоре этот резервист появился. Худой, высокий мужчина, лет пятидесяти, с короткой причёской, одетый, не смотря на жару, в костюм, правда, летнего покроя. Он несколько раз ходил к раздаточным столам, принося по очереди тарелку с салатом, горкой хлеба, картошкой и мясными тефтелями, чашку с куриным бульоном, чашку поменьше с чёрным чаем с лимоном и тарелку с черешнями.

Сел он спиной к окну и с мрачным видом пережёвывал пищу, играя ярко выпирающими скулами. Разумеется, он был где-то начальником. Это чувствовалось по его поведению. Однажды он остановил проходящую мимо официантку с подносом и попросил пригласить администратора.

Кстати сказать, официанты и официантки в столовой все молодые и удивительно вежливые. Их, по всей вероятности, хорошо отбирают и школят. У всех на груди табличка с именем. Все подчёркнуто внимательны, быстро убирают со стола опустошённую посуду. Меня уже знают, здороваются и желают приятного аппетита. Некоторых особенно пожилых людей, которым трудно ходить и выбирать пищу, обслуживают, услужливо принося то или иное блюдо.

Администратор, стоящая у входа в столовую, отмечает всем в санаторных книжках посещение и почти автоматически желает каждому приятного аппетита. Она то и подошла к моему соседу, и он стал недовольно выговаривать ей, что

молочная каша, которую он ел, невкусная.

Ну, что тут скажешь? Он волен был выбрать другое блюдо или добавить в кашу то, чего ему в ней не хватало. Соль, сахар, молоко – всё стоит на раздаточном столе. Но устраивать по этому поводу разнос я бы, например, не стал никогда.

Ко мне подсаживается мой недавний знакомый Анатолий Николаевич и спрашивает, для кого этот резервный столик предназначен. Я рассказываю ему всё, что успел узнать. Он неодобрительно качает головой, говоря: «Есть же типы. Нудьга какой-то».

Профессор МГУ

С Анатолием Николаевичем мы познакомились почти случайно. Я сидел на диванчике в холле клуба-столовой с ноутбуком на коленях, входя в интернет. Это ещё одно нововведение в Ливадйском санатории – здесь в клубном здании появился вай-фай, благодаря которому я ежедневно пользуюсь интернетом.

Вот, кстати, как кратко объяснить непосвящённому человеку на русском языке, что означают термины «вай-фай», «ноутбук», интернет? Иностранные слова, преимущественно английские, валом валят в наш обиходный язык. Интернет имеет эквивалентное слово «сеть». Говорят: «Войти в сеть», «Выйти из сети». Так же можно сказать про «вай-фай», что это «подключение к сети» или «вход в сеть», а ноутбук назвать просто электронной книжкой. И всем будет понятно. Но нет же, называем по-английски, как и многие другие новые термины. Но это я отвлёкся.

Так вот с Анатолием Николаевичем мы познакомились, когда я сидел в сети со своей электронной книжкой. Он проходил мимо и вдруг, остановившись, спросил, обращаясь ко мне:

– Скажите, мы с вами нигде раньше не встречались? Что-то мне кажется ваше лицо знакомым.

Это, между прочим, тоже типичный способ знакомства.

Ведь всякое лицо вы могли уже где-то видеть, поэтому вопрос, не могли ли вы где-то встречаться раньше, вполне допустим в любой ситуации и обязательно требует продолжения разговора. Вот и сейчас я отвечаю вопросом на вопрос:

– А вы откуда?

– Я из Москвы. Профессор МГУ.

Мой ответ прозвучал таким же образом:

– Я тоже из Москвы. Профессор МГЭИ.

– Из авиационного, МАИ?

– Нет. Я из Московского гуманитарно-экономического института.

– А-а, я подумал, неужели авиационный тоже стал называться государственным и теперь зовётся МГАИ. А это МГЭИ. И что вы там ведёте?

Так и завязался разговор, из которого выяснилось, что направления нашей деятельности у нас разные, и встречаться в гигантской Москве мы, конечно, могли, но мимолётно на одной из тысяч конференций или где-то ещё, что не повлекло за собой знакомства.

Анатолий Николаевич худощавый пожилой человек с морщинистым лицом, завершающимся наверху почти совершенной лысиной, обрамлённой короткими седыми волосами. На внимательных несколько выпуклых глазах небольшие очки в чёрной оправе.

Его заинтересовало, принимает ли мой ноутбук через интернет программы Радио России. Его радиоприёмник, кото-

рый он взял с собой, здесь в Ливадии эту станцию не ловит, а сегодня суббота, и Радио России в девять часов десять минут вечера должно транслировать, как обычно, передачу «Встреча с песней», а он привык слушать её регулярно.

Я соглашаюсь прийти вечером со своей книжкой. Ужин заканчивается в семь часов, но Анатолий Николаевич неторопливым шагом приходит почти к концу времени ужина и задерживается с едой, попутно подолгу разговаривая с сотрудниками столовой на разные темы. Поговорить профессор любит.

Не дожидаясь его прихода, раскрываю ноутбук, захожу в интернет и читаю набежавшую за день почту. Я устроился в этот раз не в холле клуба-столовой, а на площадке перед ним у ограды из зелени на низенькой скамеечке, сколоченной из узких дощечек. Здесь интернет тоже, как говорится, берёт или ловится, что очень хорошо, так как можно одновременно дышать свежим воздухом, любоваться природой и, кроме того, здание клуба иногда рано закрывают после ужина, а мы с Анатолием Николаевичем собираемся сидеть допоздна, как я понял.

Профессор появляется в белом костюме – становится относительно прохладно – усаживается рядом, извиняется за свою просьбу и рассказывает:

– Я тридцать пятого года рождения, постарше вас. Имею два высших образования. Закончил физтех МГУ и потом поступил на филологический факультет. Оставили в аспиран-

туре. Занялся наукой на стыке техники и филологии. Увлёкся изготовлением машин по переводу с китайского на русский и наоборот.

До девяти часов у нас есть время, и профессор рассказывает о китайских иероглифах, о том, какой интерес для него представляет их структура и варианты каждого из пяти тысяч иероглифов. Говорит о преподавании филологии в Севастопольском филиале МГУ и о научной консультации, которую ему придётся провести в Сирии на русской военно-морской базе для китайских специалистов по машинному переводу технических текстов.

Последнее меня особенно заинтересовало, поскольку я ничего не знал об участке земли в Сирии, купленном Советским Союзом ещё при жизни Сталина.

Затем разговор зашёл о семье.

– Успел родить дочь, сына и ещё сына. С женой мы прожили долгую жизнь. И знаете, лет двадцать привыкли вечерами слушать Радио России. Сиделись рядышком, полу-обнявшись, и слушали. Но в две тысячи четвёртом году она ушла из жизни. Заболела раком, и два месяца мы боролись за её здоровье в онкологическом центре, но ничего не получилось. Она верила, что поправится, принимала все лекарства, со всеми рекомендациями соглашалась. Кого мы только ни приглашали на консультации, что только ни делали, и всё напрасно. Последние пять дней ей было особенно тяжело, и она умерла. А я с тех пор в память о ней регулярно слу-

шаю передачу «Встреча с песней». Хорошая передача. Жене и мне она очень нравилась. Вот почему я к вам обратился с такой просьбой.

Вокруг нас было тихо. Бегавшие и кричащие дети утомились. Родители увели их в номера. Только изредка из ресторана поблизости доносилась музыка и пение. Дул лёгкий ветерок. Стемнело. На небо вышла полная круглая луна. Подошло время передачи. Я нахожу станцию, подключаюсь к ней и мы слышим знакомый дикторский голос, начинающий программу «Встреча с песней». Передаю ноутбук Анатолию Николаевичу, а сам отхожу в сторону. У меня в это время связь с дочерью по телефону. Мы обсуждаем наши дни отдыха в разных местах. Вместе поехать не получилось. Заканчиваем разговор, и я наблюдаю издали за Анатолием Николаевичем.

Он склонился над ноутбуком, слушая старые советские песни, которые они любили вместе с его женой. Подумать только, уже одиннадцать лет он возит с собой повсюду приёчник и где бы ни был, по субботам, слушает радио России, вспоминая свою жену, её образ, как они сидели рядом друг с другом, прижавшись к плечу плечо. Эта память дорогого стоит.

И мне приходит в голову недавний разговор с массажистом Игорем.

Массаж одна из нескольких лечебных услуг, которые в определённом количестве предоставляется санаторием бес-

платно наряду с лечебными ваннами, ингаляцией, лечебной физкультурой, лазеротерапией, электро-грязелечением. И конечно, первым делом вы посещаете терапевта, который или которая назначает вам анализы, кардиограмму и потом уже всякие процедуры, соответствующие вашей необходимости, чтобы поправить здоровье. Меня принимала заведующая отделением. Она и определила массажиста Игоря, который оказался довольно разговорчивым.

Не знаю почему, но большинство встречавшихся мне массажистов любили поговорить. Возможно, что это профессиональная привычка. В самом деле, не будешь же разговаривать во время ингаляции, когда у тебя во рту трубочка, через которую поступают, скажем, пары эвкалипта. Или ты лежишь в ванной и тоже вдыхаешь, например, лавандовый аромат, а рядом никого нет, так как медперсонал занят приготовлением других ванн другим пациентам. Во время лечебной физкультуры говорит только тренер и только команды, как дышать, как ходить, что делать руками и ногами. На других процедурах либо тебя колют, либо подключают какие-то приборы в основном молча. И только, пожалуй, во время массажа, тот, кто его исполняет, входит в непосредственный контакт с пациентом по крайней мере на десять минут, во время которых хочется поговорить с клиентом, чтобы минуты не пролетали только в физических усилиях по выжиманию и растиранию мышц, но и заполнялись приятной беседой о том о сём.

И Игорь не оказался исключением. Но я бы не стал вспоминать этот разговор, если бы не одно обстоятельство, которое меня больно задело. Говоря о своей зарплате, он отметил:

– Раньше было так, что в конце квартала давали премии, а сейчас ничего – голый оклад. Россия захватила власть в Крыму, и всё стало хуже.

– Так ведь был же референдум, – возразил я, – и большинство проголосовало за присоединение к России.

– Ну, был, – говорит Игорь, растирая мне спину кулаками. – Проголосовали, а теперь расплачиваемся. Путин себе прибрал Крым, а никому от этого не лучше.

Меня поразили его слова. До сих пор я встречал в Крыму только радость по поводу присоединения Крыма к России, а тут вдруг такое отношение к России. Тогда я подумал, что Игорь украинец, и спросил, знает ли он украинский язык, на что он ответил:

– А что его знать? Никакой проблемы нет: как говорили на русском, так и будем.

– Да, – говорю, – весь сыр бор заварился из-за проблемы с языком, когда в Киеве решили запретить русский. Это и вызвало негодование в Крыму и на Донбассе.

В ответ прозвучало то, что я обычно читал на украинских сайтах в интернете:

– Это российские сказки. Никто русский язык не запрещал.

Словом, массажист Игорь оказался махровым русофобом. Я, как писатель, принёс и подарил ему перед началом процедуры свою книгу рассказов. По окончании массажа Игорь попросил оставить свой автограф на книге, при этом он подчеркнул:

– Напишите: лучшему массажисту Крымской области.

Улыбнувшись на такую саморекламу, я сделал надпись:

«Антироссийскому массажисту Ялты от московского писателя-антифашиста». Поставил дату и подпись.

Игорь сразу не прочёл мою запись в книге, уйдя мыть руки. Я попрощался, не зная, как он отреагирует на мой автограф.

На следующий день он опять мне делал массаж. На этот раз он был не столь разговорчив. Но всё же начал разговор, пощипывая шейные позвонки :

– Спасибо, что хоть меня фашистом не обозвали. Я не против России, а против Путина.

Этимися словами он как бы извинялся за то, что я его не так понял, и больше мы к этой теме не возвращались. Однако разговор этот запал мне в душу, и, когда я продлил своё пребывание в санатории, и врач снова назначила массаж, то я выбрал уже другого специалиста. Это оказалась молодая девушка с чудесным именем Лиля. И массаж она делала, на мой взгляд, лучше, так что кости на спине хрустели, и работает она в санатории уже шестой год, а Игорь, оказывается, раньше работал в другом месте, а здесь в Ливадии первый

год, так что на премию он зря так сразу рассчитывал. Её надо заработать.

Морячка

Как и в предыдущие несколько дней, после обеда я иду на пляж, спускаюсь через лесок по лесенкам, попутно высматривая, нет ли рядышком грибов. Срывать-то грибы я не собираюсь, но приятно увидеть красивую розоватую сыроежку или, может, белого груздя с непременно листком с дерева, упавшего прямо в широкую шляпку. Но в этот раз грибов поблизости не вижу. Зато замечаю, как из-под ноги выскальзывает юркая зеленоватая ящерица. Она грелась под солнцем на ступеньке лестницы, а тут я ступаю. Но ничего страшного не случилось бы, если бы я наступил ей на хвост. Она тут же рассталась бы со своим хвостом, чтобы вскоре отрастить новый. Такая у ящериц защитная реакция.

Сейчас на спуске к пляжу работает только один лифт – нижний. Верхний почему-то закрыт. Отдыхающие санатория с пляжа поднимаются немного по дороге до нижнего лифта, проходят по холодному длинному коридору, стены которого выложены мраморными плитками. Мрамор использован не столько для красоты, сколько по причине его устойчивости к сырости. А она из-за разности температур здесь постоянна. Шутка ли, снаружи пекло в тридцать пять градусов, а в горе, в этой штольне едва ли восемнадцать, естественно, что пол коридора, тоже мраморный, постоянно влажный, так что можно и поскользнуться. Люди поднима-

ются лифтом до середины горы, а дальше, поскольку верхний лифт не действует, желающих добраться к санаторию без проблем отправляют на маленьком автобусике, ловко лавирующим по узкой извилистой лесной дороге. Спуск и подъём на лифте по санаторным книжкам бесплатно, а для «дикарей» стоит двадцать рублей.

Я пользовался лифтом всего пару раз. Предпочитаю и подниматься, и спускаться по семистам ступенькам.

Показав охране санаторную книжку, прохожу под тент, разворачиваю на лежаке полотенце, снимаю с руки часы, раздеваюсь. Плавки я надел заблаговременно у себя в но много переживаю, чтобы тело привыкло к окружающей атмосфере, и направляюсь к морю по бетонированному спуску.

Вижу идущего к морю старичка с окладистой белой бородой, падающей на обнажённую грудь. Вид его меня впечатляет и рука автоматически тянется к висящему на груди мобильному телефону, который часто использую в поездках, как фотоаппарат, снимая восхищающие меня пейзажи. Бородатый мужчина замечает, что я фотографирую издали, и вроде бы проявляет беспокойство. Я подхожу к нему и прямо с груди делаю снимок его бороды. Он просит его не фотографировать, так как боится, что я помешу его фото где-нибудь, да ещё с женщиной, как бывает. Я говорю, что он может не беспокоиться: я не собираюсь никуда отправлять его фотографию.

Но импозантный старичок недовольно поворачивается и

идёт в море. Я возвращаюсь к своему лежаку, кладу мобильник и сам иду купаться. Проплыв, как всегда, до буйка вразмашку и, лёжа на спине обратно, выхожу из воды в сопровождении чёрных рыб-ласточек. Они плавают у ног и в этом году. Такое впечатление, что они меня запомнили, а на самом деле это, конечно, другие рыбы, но их, видимо, влечёт тот факт, что я, наступая ногами на песок, взбаламучиваю его, и они находят себе пищу. Они и к другим ногам, выходящим из воды, стремительно плывут, не только к моим.

Погревшись на солнце, иду под тент. Там вижу, как мой старичок с импозантной бородой что-то возбуждённо говорит сидящим на лежаках женщинам и, увидев меня, указывает на меня пальцем. Женщины тоже смотрят в мою сторону и качают головами. Понимаю, что речь идёт о моём фотографировании старичка. У меня возникает мысль поговорить с ним, и как только он идёт к своему лежаку, я подхожу.

На груди у старика висит большой крест. Догадываюсь, что он служитель церкви. Говорю:

– А что вы волнуетесь? Вы ведь верующий, судя по кресту на груди?

– Конечно, – отвечает.

– Так тогда вы должны верить в то, что всё во власти божьей. И войны, и любовь, и вся жизнь. Так же в библии записано?

– Нет не всё. Есть попустительство.

– Но вы же верите, что бог всемогущ. Зачем же он позво-

ляет совершаться тому, что ему неуютно? Я сфотографировал вас, значит, ему так уютно.

— Я же просил вас не снимать меня, а вы сняли. Я слышал щелчок на вашем мобильнике.

— Ну, считайте, что бог мне позволил, и не волнуйтесь. Вы же говорите вашей пастве, прихожанам, которые обращаются к вам со своим горем, что на всё воля божья. Если кто-то в семье умер, погиб, вы говорите в утешение: «На всё воля божья». Если кому-то не платят зарплату частные предприниматели или иного уволили с работы, вы говорите: «На всё воля божья». А раз вы верите в это, так почему сами ропщите, что я вас сфотографировал?

Старичок, впрочем, может быть, он не так и стар, как делает его борода, не ответил, устраиваясь поудобнее на своём лежаке, а я беру снова мобильник иду на пляж за новыми кадрами..

Окидываю взглядом лежащих на гальке. Их сегодня несколько пар. Кто-то подставил солнцу спину, некоторые лежат на боку, иные, раскинув в стороны руки, лежат грудью к солнцу, но прикрыв лица головными уборами. Вижу несколько человек в море. Вода, как показано на информационном стенде возле спуска к пляжу, в двенадцать часов дня была двадцать четыре градуса. Но в море небольшие волны. Они с шумом накатываются на берег, подмывая собой песок. Трое мальчишек весело бегают друг за другом по мелководью, пытаясь столкнуть друг друга в волны, мешая ка-

кому-то пожилому человеку выйти.

Прохожу мимо стоящей возле самой воды девушки. Что-то мне показалось в ней знакомое. Ну, да косичка, заплетенная от самого лба. Девушка обернулась, и я изумлённо воскликнул:

– Бояморя! Ты снова здесь?

Несомненно, эта была моя Бояморя, но похорошевшая за год. То была девочка с едва оформившейся грудью, худенькая, хрупкая. Теперь передо мной стояла девица. На мой возглас она резко оглянулась и так же, как в прошлом году, криво улыбнулась и совершенно неожиданно для меня повернулась к морю, сделав несколько быстрых шагов по воде, вдруг нырнула в набежавшую волну и, вынырнув через пару метров, саженками, саженками поплыла к буйку.

Стою и не верю своим глазам. В это время ко мне подходит пожилой мужчина с короткими усиками. И, конечно, это оказался дедушка Боямори. Он меня тоже узнал.

– Здравствуйте, – произнёс он радостно, протягивая мне руку. – Очень рад, что вы снова здесь. Не чаял вас увидеть, а очень хотелось сказать вам спасибо.

– За что? – вырвался у меня сам собой вопрос.

Я вспомнил, как он меня благодарил за то, что внучка заболела. Это была горестная благодарность. А сейчас пожилой мужчина с усиками весь светился радостью.

– Вы даже не представляете, что вы для нас сделали тогда, обозвав Оксаночку Бояморя. Она хоть и заболела в тот

день, оттого, что просидела впервые в море до посинения, но быстро поправилась и, к счастью, это сильно её изменило. Вы понимаете, она решила вырабатывать в себе характер. Мы уехали к себе в Новосибирск, и Оксаночка сама пошла в плавательный бассейн, поступила в секцию плавания. Мы, разумеется, с радостью платили за занятия. Ей порекомендовали по утрам обтираться. Да и вы это говорили. Больше того, внучка сказала, что раз она уже большая и взрослая, то теперь она будет ухаживать за нами, а не мы за нею. И, вы знаете, всё в доме делает сама: и посуду моет, и в комнате убирает, и стирать научилась, а раньше ничего не умела. И за мной, как за ребёнком, ухаживает.

На этих словах у мужчины появились слёзы на глазах.

– Ой, извините, – сказал он смущённо. – Совсем растрогался. А всё ведь благодаря вам. Она нам говорила, что вы усовестили её и сказали, что надо вырабатывать характер. Вот она его и вырабатывает. Упрямства у неё хватает. Так что спасибо вам огромное!

Пока дед рассказывал, Бояморя доплыла до буйка и вернулась назад. Она вышла из моря абсолютно счастливая. Это можно было заметить по её сияющим глазам и широкой улыбке. Подойдя к нам, она проговорила:

– Вот, это я специально для вас заплыв сделала. Я знала, что вы приедете, и ждала вас.

Я несколько растерялся от таких выражений чувств и сказал только:

– Да ты уже не Бояморя, ты настоящая морячка.

Девушка засмеялась.

– Опять вы меня обзываете. Нет, я Бояморя. Мне понравилось это имя, и меня все теперь так зовут. А то, не называйте вы меня Бояморя, я, возможно, так бы и боялась всю жизнь моря.

Она опять сказала своё «а то», как в прошлую встречу, но я уже не подсмеивался над нею, ведь она стала взрослой моя Бояморя.

Нацеливаю на моих друзей мобильную камеру. Бояморя обняла деда и я сфотографировал их на память.

В этот раз я покидал санаторий с лёгким сердцем и лёгкой грустью. Я расставался с девочкой, ставшей мне подружкой, которую называл морячкой, но она не согласилась, оставив имя Бояморя. Мы обменялись адресами. Семья пригласила меня к себе в Новосибирск. Я пригласил их посетить Москву. Так закончилась пока история с девочкой по имени Бояморя.

ЛЕСНАЯ ИСТОРИЯ

Солнце выглянуло краешком глаза из-за чёрного, но уже голубеющего слегка моря и увидело горы. Они вытянулись на целых сто пятьдесят километров, упираясь в засветившееся небо непокрытыми головами, теперь стыдливо зарумянившимися в лучах восходящего светила.

Секундами раньше столь же девственно заалели пышно-грудые белые облака, которые теперь словно огромные парашюты зависли над неприступными стенами величественной горной крепости.

Принарядившись в пурпурные одеяния, и те и другие восхищали многообразием и тонкостью оттенков, начиная от яркой снежной белизны до едва просвечивающейся бледной розоватости, постепенно наполняющейся пунцовой пышностью и переходящей затем к пылающему огнѐм сочному румянцу.

Игра красок шла наверху, где небо уже торжествовало победу солнца, а чуть ниже, резко очерченной полосой фронта, всё ещё чёрный и хмурый после сна, подступал к этому празднику могучий лес.

Но вот ещё несколько мгновений и блики веселья и радости упали со скал на деревья, и заулыбались осветлённые листья вековых буков, заискрились на солнце иглы пушистой крымской сосны, чувствующей себя равной среди лиственных великанов Крымских гор.

Первые солнечные лучи соскользнули по веткам на землю, и настроение счастья передалось, наконец, всем: птицам, зверушкам, насекомым, цветам и пахучим травам. Зазвенело вокруг, зачирикало, заплясало, закружилось. Ручеёк неприметный, казалось, молчавший в темноте, и тот возрадовался, плещется, сверкает струйками, пускает зайчики в глаза, журчит и будто бежит быстрее, проворнее.

В лесу начался день. Здесь, в горах южного берега Крыма у самой Ялты он приходит сверху, постепенно спускаясь в зону царствования крымской сосны и дальше в приморский шибликовый пояс, где вместе с чашечками цветов раскрываются двери жилищ человека, многоэтажных жилых домов, санаториев, гостиниц.

Они смотрели на просыпающиеся дома сверху лес и сидящий на лесной скамеечке человек в синей фуражке. Это был его лес, его радость и боль.

Двое молодых людей, парень и девушка, поднимаясь по крутой горной тропе, вышли прямо на лесника. Девушка запыхалась при подъёме, что выдавало её неопытность, и она сразу же села на скамейку рядом с лесником.

– Я Дробот. Зовут меня Николай Иванович, – сразу представился тот.

– А я знаю. О вас вообще чуть ли не легенды ходят.

– Что же обо мне такое говорят? – усмехнулся Николай Иванович. – Лесник как лесник. Только и того, что долго работаю.

– Это так, – согласился Володя, присаживаясь на скамейку по другую сторону от лесника, так что тот теперь очутился между ним его спутницей Настенькой. – Но говорят, что вы, как никто умеете рассказывать легенды, что браконьеры вас боятся пуще огня и что есть у вас собака, которая недавно спасла вас, но как, я не знаю.

Лесник задумчиво снял с головы фуражку, потёр ладонью

лысеющую голову, снова надел фуражку и собирался что-то сказать, но его прервала Настенька:

– Простите, Николай Иванович, у вас не бывает такого впечатления в лесу, что с вами кто-то рядом находится, а вы его не видите? Мне вот всё время кажется, что на меня кто-то смотрит. Я не боюсь, но такое ощущение. Может в горах всегда так? Откровенно говоря, мне не по себе от этого. Я-то в лесу часто бываю, но то в Подмосковье, то на Украине в деревне у бабушки, где тоже нет гор, а тут в Ялтинских горах я впервые.

– А вы чувствительная девушка, – заметил лесник. – На вас действительно смотрят, но не пугайтесь. Я позову моего друга. – И он, слегка присвистнув, тихо скомандовал – Волк, ко мне!

Чуть впереди из-под широкой сосновой лапы молодой раскидистой крымской красавицы, опутившей свои ветви низко над землёй, неожиданно поднялся огромный чёрный ньюфаундленд и, подойдя к хозяину, сел на свой мохнатый хвост и уставился глазами в лицо человека, как бы спрашивая, зачем позвал.

Пёс был великолепен. Чёрная густая шерсть теперь отличала особым блеском на солнце, а только что под сосной, создавая видимость тени, была совершенно незаметна. Умные чёрные глаза, казалось, смотрели только на хозяина, но невозможно было поверить, что они не следят за каждым движением находящихся рядом людей. Мощные передние

лапы собаки гиганта упирались в землю, и какое-то шестое чувство непонятным образом подсказывало, что стоит любому человеку поднять руку над хозяином, как она мгновенно будет схвачена широкими сильными челюстями преданного пса. Эксперименты проводить в таких случаях нежелательно.

– Я назвал его Волком, – проговорил Николай Иванович, – так что он в этом смысле единственный в наших лесах, так как настоящие волки с послевоенных лет в Крыму не появлялись. А жизнь он мне действительно прошлой осенью спас. Да и раньше, пожалуй, меня бы прибили без него браконьеры. У нас ведь оружия нет, а браконьер всегда не с ружьём, так с ножом ходит, да в компании с друзьями. Ну а я научил своего Волка всегда в стороне быть и идти за мной. Так что он возникает, когда я скомандую или если ему покажется ситуация опасной. Такое бывает иногда. Браконьер не видит Волка и начинает иногда хорохориться и угрожать мне, а тут вдруг рычание и этакая псина рядом. Фактор неожиданности играет большую роль – я успеваю сориентироваться и либо разоружаю сразу, либо включаю рацию и делаю вид, что мои помощники рядом. А то ведь могут застрелить и собаку и меня.

А где же ваша рация? – спросил Володя.

– У другого моего помощника. Вон там. – Лесник махнул рукой назад в глубь леса.

Настенька и Володя, как по команде, повернулись и толь-

ко теперь заметили гнедого коня, ноги которого чуть выше копыт были словно одеты в белые носочки, а шелковистая грива буквально засветилась на солнце, когда тот резко качнул головой, отгоняя появившихся уже мух. К седлу была приторочена сумка, из которой торчала антенна рации.

– Ну а всё же можно узнать, как вас спасла собака? – спросила Настенька.

– Случилось это так, – начал лесник. – В сущности, по моей невнимательности. Дело было во время урагана. Ехал я на своём Месяце, – так, оказывается, звали коня – а Волк, как всегда, за нами. Тут вижу, что осину сломало ветром, и она перекрыла ручей. Вода уже пошла другим путём и на дороге целое болото образовалось. Спешился я, значит, и стал дерево оттаскивать да не заметил, что чуть выше старую сосну видимо уже вывернуло из земли, и она еле держалась кроной за соседние деревья, ну а очередным порывом ветра её и понесло на меня. Я как услышал треск сверху, назад откинулся, а меня и прижало к земле стволом. Тут два момента удачных было. Во-первых, я успел разогнуться, и меня не треснуло по спине. Тогда бы мне точно крышка была. И то хорошо, что сучья сосны в землю упёрлись, и меня не раздавило совсем. Но я упал спиной на землю, и руки оказались среди веток так, что я их никоим образом не мог освободить, чтобы с их помощью попытаться выползти. Ни перевернуться не могу, ни ногами оттолкнуться. Всё вроде целое, а вылезти не удаётся. Такая дурацкая ситуация получилась.

Будь я один, так впору бы и испугаться совсем. Не так часто люди ходят в наших краях. В конце осени грибников не богато. В плохую погоду тем более. Прокукуешь холодной ночью – не скоро оправишься, а то и совсем дуба дашь. Тем более что упал я рядом с ручьём. В жаркую погоду – это хорошо, а в холодную не очень. Журчит возле уха, но радость не доставляет. Скончался бы от жажды у самой воды, вот был бы цирк.

Но это будь я один. А тут ведь и конь есть и собака. Месяц мой, конечно, стоит себе на дороге. Что он сделать может? Да и не понял, наверное, в чём дело. Другое дело Волк. Тот сразу забегал вокруг упавшей сосны. Я, конечно, говорю ему: – Волчок, сделай что-нибудь. – А сам думаю, что придётся, наверное, посылать его домой. Но захочет ли он оставить хозяина?

Только пока я думаю своё, а Волк мой сам соображает. Эта собака, ой, как умна. Чувствую – задышал мой пёс над ухом. Ухватил зубами за ворот куртки и потянул.

Должен вам сказать, ребята, не думал я, что до такой степени силён мой друг. Сам не поверил, когда поползло моё тело из-под проклятого ствола. Сантиметрами, сантиметрами, а поползло. Попал я, конечно, в ручей спиной, но уж теперь мог и сам помочь Волку, вытащив руки и отталкиваясь от ствола.

Вымокли мы с моим другом изрядно. Да и подняться мне потом, оказывается, было не очень просто. Так что без Ме-

сяца я, пожалуй, тогда до дома не добрался бы. Волк бы мог тащить по земле, но это для обоих было бы мучением. С конём, конечно, проще. Главное было забраться на него, когда всё тело ныло. Но что это по сравнению с усилиями Волка?

Между тем нъфаундленд, будто понимая, что речь идёт о нём, улёгся у ног хозяина, скромно положив голову на лапы.

– Добрейшая собака, между прочим, – заключил рассказ Николай Иванович. – Никого ещё ни разу не укусила, но страх нагоняет и, будьте уверены, не пропустит случай вступить за меня, если надо. Всё понимает.

– Да, собака у вас замечательная, восхищённо сказала Настенька и протянула руку к голове Волка, чтобы погладить.

Собака подняла морду и неожиданно лизнула ладонь девушки, словно давая понять, что бояться не надо. Настенька рассмеялась, отдернув, было руку, но тут же теперь совсем без страха повела рукой по мохнатой голове и шее добродушного великана.

Лес тихо зашумел листвой.

О ТОМ, КАК Я СЛУЖИЛ РАБОТНИКОМ У ТРЯСОГУЗОК

А и вот что я вам скажу, дорогие мои собратья по перу, писатели, то есть те, кто некогда скрипели перьями по бумаге, а нынче катают шариками ручек шариковых по ней же или тюкают пальцами по клавиатуре, выбрасывая буквы на компьютерных экранах. Чем сиднем сидеть в городских сте-

нах, штаны или юбки протирая в погоне за славой и весьма призрачным величием, обратите-ка вы свои стопы, изрядно приуставшие в беготне по не всегда благодарным и приветливым редакциям и, тем более, вышестоящим организациям, за город, поближе к природе-матушке. Уверяю вас, что только там вы обретёте истинную радость душевную, покой и умиротворение сердечные. Там, именно там среди берёз игривых, весело подставляющих тела свои белые взгляду вашему ласковому, среди ив задумчивых, опутивших пряди волос до самой воды речушки быстротечной, как и сама жизнь, среди дубов осанистых да кряжистых, по-стариковски мудрых, среди лугов, неизбывной зеленью охваченных, волнующихся травами сочными да пряными, только там вы поймёте всю тщету ваших помыслов превзойти это величие, миллионы раз описанное, но так и не отражённое во всей своей красе, ибо невозможно познать бесконечное, охватить бескрайнее, объять словесами необъятное, но очень даже возможно и совершенно приятно и восхитительно любоваться этими чудесами в любое время года, а особенно в пору цветения, благоухания и буйства красок.

Что бы вы ни делали там на природе, чем бы ни занимались, она заманит, увлечёт и окунёт в жизнь прекрасную и удивительную. В подтверждение этих слов расскажу-ка я вам историю свою собственную, а вы уж сами думайте, подходит вам такая жизнь или нет.

Закончил я суматошную деятельность государственного

служащего, длительные разъезды по заграницам. Ушёл, наконец, на пенсию и купил дачу неподалеку от Москвы, этак километрах в тридцати от кольцевой дороги, но в замечательном месте, где и лес просто рядом, начинается сразу за калиткой, и река поблизости в пяти минутах хода, и горы тут тебе, да и равнинные местности – всё есть. Отдыхай себе да радуйся. Только отдых этот ещё организовать надо.

Приехали мы с женой на дачу впервые в середине лета. Глядим – домик на пригорок поближе к лесу забрался, по правую руку, если на него смотреть, красавицы вишни распушились, по левую – молодые яблоньки только-только начали наряжаться в зелёные коротенькие платьица, по центру – словно кто кисть с красной краской встряхивал да капли оставил – это клубника зреет, солнечным огнём наливается.

А

возле самой ограды с одной стороны пышные кусты красным бисером обсыпаны, значит, красная смородина к себе подзывает, что б вы на чёрную не засматривались, а она рядышком томной чернотой спелых ягод привораживает. Уж я не говорю о малине, разросшейся так, что ни обойти её, ни объехать, чтоб не остановиться и не съесть ягодку-другую, а там и на десятки счёт можно вести, да кто считает, когда ягоды во рту тают и сладостью душу греют?

Однако, как там прежние хозяева к природе относились, не знаю, но сразу видно было, что не вся земля ласку чув-

ствовала, не вся ухожена была и привечена. Вот мы и взялись за неё в первую очередь. Не стану описывать, что сажали в первое лето, что во второе, а вот, что меня поразило сразу же, о том не могу умолчать. Люблю я, знаете, всякую живность в природе подмечать. Вот и на даче сразу стал ожидать гостей – думаю, может, зайка какой или лисичка пожалуют. Они, конечно, нами тоже заинтересовались, да в гости приходили почему-то в ночное время, когда мы усыплённые заботами дневными, глаз не могли раскрыть ото сна.

Но вот кто не скрывал своего интереса к нам в дневное время, так это трясогузки. Я, было, не сразу обратил на них внимание, но слышу над головой чи-чи-чи да чи-чи-чи. Смотрю, что там? А это трясогузка над беседкой на проводе электролинии сидит, хвостиком потряхивает и мне что-то чивикает. Я был занят вывозом сорняков и покатил тележку к противоположному концу участка. Подъехал и слышу опять над головой чивиканье.

Трясогузка уж здесь, на другом проводе хвостиком потряхивает.

Хочу в самом начале повествования обратить внимание всеведущего читателя на то, что я имею в виду не жёлтую трясогузку с вызывающе жёлтой грудкой и зеленоватой спинкой, которая тоже встречается мне изредка, но не на даче, а при подходе к ней, когда я поднимаюсь по тропе, извинаящейся в густой траве полной такого аромата, что дышать хо-

чется. Именно тут жёлтая трясогузка, усевшись на какой-нибудь ближайший к тропе кустик, неприлично открыто красуется своим ярким оперением, но мгновенно улетает, стоит вам только обратить на неё пристальное внимание и попросить слишком приблизиться. Нет, она не общительна.

Другое дело, белая трясогузка, что живёт у меня на даче. Впрочем, думаю, что в этой части трясогузка со мной не согласится, прочивикав вполне резонно, что неизвестно ещё, кто у кого живёт. Но об этом рассказ впереди.

Я остановился на том, что моя белая трясогузка следовала за мной, когда я шёл из одного конца участка в другой. Сначала мне показалось, что это случайное совпадение, поэтому я решил проверить. Убеждённый в том, что птица не полетит за мною, я направился специально от калитки к беседке. И что же? Слышу и вижу над собой интеллигентную птаху в удивительно красивом чёрно-белом наряде. Головка словно в чёрной шапочке, а грудка и горло от самого клюва покрыты чёрной манишкой. Зато лоб и щёки совершенно белые, что позволяет чёрным глазёнкам резко выделяться на белом фоне и особенно остро воспринимать их живой заинтересованный взгляд.

Уверяю вас, трясогузка выглядит очень интеллигентно, почти как иной человек в строгом фрачном костюме. И хоть у маленькой птички весьма острый клюв, она не кажется сколько-нибудь злой и опасной, как, например, полярная крачка, которая своим острым, как шило клювом и сердиты-

ми глазами в сопровождении громкого резкого крика в состоянии напугать кого угодно, особенно в момент её пикирующего полёта, который может весьма вероятно закончиться ударом клюва по голове, когда вы и поймёте по-настоящему, что кричала птица не ради того только, чтобы вас напугать, а в порядке предупреждения об атаке.

У белой трясогузки никакой агрессии, однако, как я впоследствии убедился, она далеко не из робкого десятка. Смелость некоторых птиц меня вообще давно удивляет. Нет, не воронье нахальство, а совершенно другая смелость. Помню один эпизод, в котором проявилась поразительная храбрость птицы, о которой прежде мне доводилось только читать, а увидеть собственными глазами посчастливилось лишь однажды.

Я тогда жил в пригороде Ялты – Ливадии, именно там, где некогда проживал русский царь. Замечу на всякий случай, что его семья селилась во дворце, а меня поселили в одном из домов дворцового комплекса, в котором в царское время жил обслуживающий персонал. Но, может, слуги эти были не самые маленькие по значимости, если дом этот был сложен на века из крупных кусков прочного диорита. Да дело не в этом.

Я к тому это поясняю, что дом наш примыкал вплотную к чудному ливадийскому парку, подходящему непосредственно к лесу и, я бы сказал, смыкающемуся с ним. Этим фактом всё и объяснялось.

Как-то услышал я за окном необычно тревожные голоса птиц. Выглядываю. А у нас перед окном рос высоченный тополь. На самом верху в дупле синицы устроили гнездо. Уже подрастал первый выводок, и каждый день можно было слышать голоса птенцов, требующих корма от родителей. Вот и в этот момент их пiski доносились до меня довольно явно, однако не это привлекло моё внимание. Тревожными были голоса взрослых птиц. И тут я увидел внизу, почти от самой земли по стволу тополя поднимается куница. Кого угодно я мог ожидать, но не этого довольно редкого зверя в пределах посёлка. Тогда-то я и почувствовал настоящую близость леса.

Куница неторопливо, но очень легко перемещалась вверх, и трудно было поверить, что ей что-то сможет помешать добраться до дупла, из которого предательски громко доносились голоса птенцов. Но над головой куницы пронеслась птица. Это была синица-мать. Однако ни громкий крик, ни близкие взмахи крыльев не оказали ни малейшего влияния на хищного зверька, неуклонно стремящегося к своей близкой добыче.

Красивое гибкое тело хищницы, покрытое блестящим светло-коричневым мехом, находилось по уровню уже выше сарайчика, крыша которого пряталась под кроной огромной старой сливы. Синица, безуспешно совершавшая пролёты над самой головой куницы, вдруг села на ветку сливы буквально под носом у зверька. Куница не удержалась и попы-

тальась схватить зубами наглую птицу, но та успела каким-то чудом ускользнуть. Куница продолжила подъём.

До желанного дупла оставались считанные метры. Но большое яркое жёлтое брюшко синицы кажется зверьку тоже привлекательным, тем более что оно опять совсем рядом, прямо перед глазами. Стоит сделать лишь небольшой прыжок и обед в лапах. А птица кажется совсем уставшей. И куница прыгает на сливу.

Но ах, какая неудача – синица успела вспорхнуть, хотя тут же села и опять совсем близко, ну вот же у самого носа. Ещё прыжок, и опять неудача – синица взлетела, но, может быть, в последний раз, потому что опять упала на ветку рядом. Куница делает огромный прыжок. Ветка сливы пригибается под тяжестью тела, а птица перепорхнула на соседний каштан. Погоня началась. Куницу охватила страсть охоты и жгучее желание добычи.

Я в изумлении наблюдал, как смелая птица, казавшаяся такой беспомощной на сливе, выскальзывавшей буквально из пасти хищника, теперь легко перелетала с ветки на ветку, увлекая всё дальше и дальше стремительно несущуюся за нею куницу.

Глупый зверь не уловил хитрости смелой птицы, готовой ценой своей собственной жизни спасти маленьких беззащитных птенцов. Не всяк человек так сможет.

К слову сказать, случился у меня однажды разговор с женщиной немолодой. Она уверяла меня, что ни в каком слу-

чае, и ни при каких обстоятельствах не будет обращаться в милицию за помощью, так как доноительство не в её характере. Я возразил, говоря, что доноительство доноственному рознь. Одно дело доносить на кого-то ради собственной выгоды и совсем другое, когда речь идёт о спасении чьей-то жизни. Она не соглашалась, и я предложил ей ситуацию вполне жизненную, когда, к примеру, моя собеседница оказывается на перекрёстке улиц и видит, как в конце одной улицы преступники грабят или даже убивают человека. Сама женщина ничем помочь не может, между тем, на другой улице она видит милиционера. Спрашиваю, скажет ли она блюстителю порядка о грабителях. Она ответила, что не обратится за помощью к милиционеру.

Я усложнил задачу, предположив, что в подобной же ситуации она видит, как кто-то собирается взорвать дом и это преступление женщина может предотвратить, обратившись немедленно в милицию. Ответ, к моему изумлению, был опять отрицательным.

Тогда я задал совершенно сложную задачу для матери, а женщина была ею. Я сказал, что в доме, который собираются взорвать находится её ребёнок, и только милиция в состоянии предотвратить несчастье. В это трудно мне было поверить, но в ответ прозвучала фраза: "От судьбы не уйдёшь".

Так вот мне кажется, что синица, спасавшая своих птенцов, рискуя своей жизнью, к счастью, жила по их природному инстинкту, не имея разума моей собеседницы.

Но я отвлёкся и прошу простить. Мы ведь о другом совсем. Вернёмся к даче. Мне-то думалось, что она принадлежит мне, но вскоре я понял, что настоящими хозяевами на ней являются две трясогузки. Во-первых, они поселились под стрехой крыши дома раньше, чем я приобрёл эту дачу у прежних хозяев. Во-вторых, они появлялись на грядках и дорожках, когда хотели. А после одной удивительной картинки, свидетелями которой

были в этот раз мы с женой, нам пришлось решительно зауважать трясогузок и признать в них хозяев.

Случилось это, правда, после целого ряда других маленьких происшествий. Первое время нам приходилось выполнять на даче очень много физической работы. Дело в том, что большая часть земли заросла сорной травой так, что даже культиватор "Крот" был не в состоянии справиться со вспашкой твёрдого, цепко схваченного растениями земляного покрова. Приходилось браться сначала за лопату, перекапывать тот или иной кусок земли, удаляя корни одуванчиков и прочей нечисти.

Трясогузки внимательно следили за этим процессом и время от времени слетали вниз на перекопанный участок, но довольно далеко от меня. И всё же было приятно заметить, что им нравится наша работа. Я копаю, вожу на тележке песок, затем удобряю навозом, а жена всё это обрабатывает участок цапкой и граблями, после чего делает грядки и са-

жает то ли морковь, то ли редиску, свёклу, кабачки и прочие овощи, сдобривая одних суперфосфатом, других нитрофоской и другими полезными удобрениями, рекомендуемыми умными книжками. Завершается всё поливом. Но это только на бумаге так быстро. На самом же деле каждый овощ требует, свих сроков посадки, своей агротехники, и, конечно, много сил и времени.

Однако работа на воздухе доставляет ни с чем несравнимое наслаждение. Это вам не бумагами шуршать на столе. Хоть и не лёгок физический труд на земле, а душу радует. Ведь очень хочется, чтобы то, во что ты столько сил вкладываешь, вдруг потом выглянуло зелёными росточками из-под земли и потянулось к солнцу, веселя глаз нежной зеленью.

За непрерывной работой, когда нужно успеть к сроку и вскопать, и посадить, и от холода ночного плёнкой укрыть, забывали иногда о наших трясогузках, да только они о нас помнили всегда и держали нас в поле зрения постоянно.

Я по своей московской писательской привычке за рабочий стол садился и здесь на даче поздним вечером, если полночь можно так назвать. В городе-то я обычно днём по организационным делам всяким бегаю, а писать сажусь, когда никто ни разговорами по телефону, ни другими способами не отвлекает. Так и на даче повелось, поэтому и просыпался, естественно, поздно. К жаворонкам, в этом смысле, никогда не относился, всё больше к совам.

А спать нам, между прочим, нравится наверху в мансарде.

Окна там большие, воздуха свежего много, в мае ночью соловьиные трели хорошо там слышны. Одно плохо – комары заедают. Но мы к ним привыкли в путешествиях по Африке и Азии. Привыкли не к их укусам, а к борьбе с ними с помощью москитных сеток, то есть без этой защиты спать не ложились. Так и здесь. Развесили над кроватью зеленоватый полог из сетки и спим себе. Жена, в отличие от меня, как раз жаворонок и потому поднимается обычно ранним утром.

Вот в один из таких дней, когда жена уже бегала по грядкам, выдёргивая то там, то тут сорняки, а я ещё спал, донеслось до моего сонного слуха знакомое чивиканье. В первое мгновение мне показалось, что во сне птица ко мне прилетела, но уж очень явственно слышался голос. Открываю глаза и вижу перед собой на платяном шкафу сидящую трясогузку.

Заметила она, что я глаза открыл и снова: "чивик-чивик!" будто хочет сказать: "Чего спишь? Поздно уже. А ну поднимайся и за работу".

Ну, братцы, я опешил. Бывало, конечно, и раньше, что в комнату ко мне птицы залетали, но то было в других местах, и залетевшая птаха обычно начинала метаться по комнате в поисках выхода. Думал я, так будет и теперь. Лежу неподвижно, чтобы не испугать нашу трясогузку, а сам прикидываю, как она могла залететь и сможет ли сама вылететь. Окна у нас всю ночь открыты, но занавешены шторами. Стало быть, птица юркнула между шторой и стеной. Ладно, придётся, думаю, встать и отдёргнуть штору, а то сложно будет

пернатой выбраться. Да только вижу я, что трясогузку ситуация никак не волнует. Сидит себе на шкафу, на меня смотрит и чивикает, вроде как продолжает будить, боясь, что опять засну. Со мною так бывает. Но я всё же выбираюсь из-под сетки и иду к окну, что ближе к шкафу. Трясогузка не заметалась, а спокойно перелетела к моей кровати и устроилась на москитной сетке.

Я отдёргиваю штору, становлюсь рядом со шкафом и замираю неподвижно, чтобы не пугать птицу своими лишними движениями. А она и не боится. Сидит себе, глазёнками на меня уставилась и "чивик-чивик!" Что, мол, стоишь? Иди, работай.

Ну, постоял я так минут пять и решил: "Действительно, чего я волнуюсь? Она этот дом лучше меня знает. Живёт в своём гнезде как раз над окном", и пошёл себе, спустился на первый этаж да и в сад, а трясогузка уж там летает. Жена заметила, как она из окна выпорхнула и догадалась, что красавица наша будить меня летала. И то правда – солнце давно вышло, пришло наше время завтракать и за работу приниматься.

Возможно, именно с этого времени у нас установились особенно дружеские отношения с трясогузками. Когда ни появишься на огороде с лопатой, цапкой или лейкой, наши хозяева тут как тут. Вывожу я своего "Крота", то есть культиватор, а не маленького ушастика, что в земле живёт, и дёргаю за шнур, запускаю. Машина в сердцах взревёт и начина-

ет грызть землю лемехами. Это я участок под картошку готовлю. Вот, думаю, трясогузка сейчас испугается и улетит. Какое там? Она прыг-прыг, и стоит мне остановиться на минутку – хвостик птички уже на комке земли у самого грозного лемеха подрагивает, а клювик то вправо, то влево ныряет, что-то себе находит.

Начинаю копать землю лопатой, хочу сорняки отбросить в сторону и смотрю, чтоб в трясогузку не попасть, потому что она совсем рядом со мной скачет и чивикает будто голосом моей жены сказать хочет: "Ну, чего останавливаешься? Только начал ведь. А устал, так пойди в беседку отдохни от солнечного жара". "Да я, – говорю, – не устал вовсе" и продолжаю врезаться в мягкую от прошедшего дождя землю. Трясогузка буквально по пятам за мной следует, изредка лишь отлетая наверх. Заберётся там под шифер, поговорит со своей подругой, которая в это время птенцов ожидает, и назад ко мне летит.

Тогда-то мы и начали понимать, что работаем для трясогузок на их родовом участке, помогаем им корм добывать. Так как вырастет что у нас или не вырастет, всегда под вопросом, который погода решает, зато трясогузок точно накормим. Потому что они и прилетают каждый год к своему дому и устраиваются на том же самом излюбленном месте над нашим окном под крышей. И уж тут никто им помешать не может: ни заяц, который толь-

ко внизу капусту нашу ворует, ни даже белка, прижившаяся на той же крыше, но с другой стороны дома.

И это надо видеть, как гордо вышагивают трясогузки по своей территории, никого надолго сюда не пуская. Бывает, конечно, залетит одна-другая мелкая птаха, клюнет скоренько мошку или жучка какого, и тут же улетает в лес. Сюда и большая сорока заглядывает. Посидит на заборе, покричит на проходящего мимо чёрного кота и порой вдогонку за ним улетает. Трясогузки тоже не сидят сиднем на одном месте – прогуливаются то в лес, то к маленькой речушке, что поблизости пробегает, но обязательно спешат назад к своему дому, который порой и отстаивать приходится.

Стоим однажды мы с женой возле беседки. Тут у нас петрушка, лук, редиска да морковь ровными грядочками красуются. А по дорожке трясогузка вышагивает. Вдруг – фр-р-р – какая-то непонятная для нас птица раза в два крупнее нашей трясогузки слетела сверху, крылья растопырила и трепещет ими прямо перед трясогузкой, стараясь её напугать. Разгадать, что за птица мы не разгадали, уж очень неожиданным был налёт. А мне она в этот момент напомнила морского ерша, расставившего грозно плавники, чтобы уколоть ими противника.

Страшной показалась птица, но вот что удивительно. Трясогузка, хоть и мала птаха, но то ли чувствовала, что мы рядом, то ли знала, что дома и родные стены помогают, а только ничуть виду не подавала, что испугалась. Поверну-

лась к налётчице и спокойно так шажок вперёд сделала. Клювик-то остренький, сама вся гладенькая, аккуратненькая против взъерошенного противника, зависшего в воздухе. Ну, тот и отлетел, да не совсем, а что бы сделать круг и снова напасть.

Если бы были у трясогузки уши, я бы сказал, что она и ухом не повела на второй налёт. Так же невозмутимо сделала ещё шажок вперёд, и как ни трепетали устрашающе крылья обидчика, а пришлось опять улетать. Но бой не закончен. Пошла неуёмная птица на третий заход. "Фр-р-р, фр-р-р", – шумят крылья, распушенные парусами, да что уж там, никто их не боится. Трясогузка даже не покачнулась, ни шагу назад не отступила, вперёд и только. Так обидчик и улетел ни с чем.

А мы стояли, как зачарованные, глядя на нашу прекрасную смелую трясогузку. Честное слово, на такого хозяина и работать приятно. А вы говорите в городе лучше. Нет – только на природе.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Дорожное знакомство

Слова «первый» и «последний» заключают в себе некий магический оттенок, поскольку связаны с тем, что происходит в первый или в последний раз, с той лишь разницей, что всё «первое» обычно впечатляет и запоминается, а всё «последнее», как правило, не ожидается, не желаемо и уж как может запомниться, если впереди ещё жизнь, а стало быть, это случившееся в последний раз может ещё повториться и станет в таком случае предпоследним или пред-пред и так далее. Последнее, если было хорошим, пугает мыслью, что уже никогда не случится. Ну, как же, отец сказал, что больше не даст денег, любимая заявила, что никогда не придёт снова, президент объявил, что льготы для определённой категории лиц действуют последний год. От таких обещаний последнего и скончаться недолго. Если последнее было плохим, то и оно вселяет страх в душу смутным ожиданием, а вдруг оно всё же вернётся. Но не будем о грустном.

Всё в жизни может повторяться, кроме двух вещей. Рождается и умирает человек в первый и последний раз. А потому никто не может сказать, что в прошлом году родился второй раз или вчера последний раз умер. Впрочем, сказать-то можно всё, что угодно. Говорят же, что сначала он родился, как человек, потом, как учёный. Или, что сначала он умер, как писатель, потом, как человек. Но... это всё же этапы.

Поговорим лучше о происходящем действительно впервые. Его тоже изредка бояться, но оно всегда таит в себе неизвестное, незнакомое, и уже потому интересное. И очень часто первое ожидается с нетерпением, если о нём заранее известно, если его хотят.

Первый шаг малыша, его первое слово – это счастье родителей. Сам малыш этого никогда не помнит. Для него в этот период времени почти всё первое. Зато он не забывает, как пошёл первый раз в первый класс, первую любовь в третьем классе, первый танец с девушкой в восьмом, и, конечно, первый...

Вот об этом и пойдёт речь. Но как же много приносит переживаний, как волнует и тревожит то, что приходит в первый раз. Пройдёт много дней, месяцев, лет и даже целая жизнь, а люди говорят об этом «первом», как о только что происшедшем. Вот и послушаем один рассказ.

Где люди говорят друг с другом самым наиоткровеннейшим образом о самом что ни на и есть сокровенном, не зная при этом совершенно того, кому именно изливает свою душу, как ни в поезде? Может, происходит это по той самой причине, что собеседники убеждены в неизбежности момента, когда застопорит свои маховики двигатель локомотива, намертво замрут колёса поезда, закончится совместное путешествие, и все разбегутся с шумного вокзала в разные стороны, растворяясь в безбрежном океане жизни, унося с со-

бой то, что сказано в поезде, и никогда к этому не вернуться, не напомним, не укорят, даже если есть в чём. Так что можно откровенничать, снимая камень воспоминаний, давящий на душу с тем, чтобы переложить его поудобнее, отодвигая острые края его подальше от самых чувствительных участков. А слушатель, он же скоро уйдёт.

Именно в тёплом купе вагона, где-то в самом его конце, почти у двери в туалет, сидят три случайных попутчика и, лениво обмусолив все самые дежурные темы от неприятной погоды и ещё более неприятного правления государством до очередного проигрыша «Спартак» на последнем товарищеском футбольном матче с английской командой «Челси», пересказав все неожиданно приходявшие на ум анекдоты о женских изменах, тёщах и глупых рогоносцах, трое вдруг замолкли, задумавшись на секунду о своих собственных судьбах, не менее полных теми же эпизодами, которые звучали в коротких юморесках.

Невозможно предугадать, о чём бы вновь заговорили объединённые случаем трое мужиков, давно осушившие свои стаканы и соответственно взявшуюся ниоткуда бутылку водки, если бы не прорвавшееся сквозь узкую прорезь в небесной глуши тяжёлых туч яркое солнечное ярило, сунувшее-таки бесконечно длинный палец в виде луча белого света прямо в окно вагона и как раз в то самое место, где сидели трое. Первый луч солнца в этот пасмурный день возрадовал пассажиров. Белый круглый штык упал остриём на пол и от

него до самого окна затанцевали пылинки. Но не они были главными в этом празднике. Сам по себе свет, ворвавшийся в мрачную глумь купе, немедленно приковал к себе внимание уставших от серости глаз. И всё вокруг стало ярче – очертания постелей, откидного столика, гранёных стаканов, опустевшей бутылки, маленьких плафонов ночного освещения над подушками и лица людей.

Удивительна сила света. Сидели себе люди, разговаривали. Задумались. Казалось, ничто не может их оторвать от мыслей, утопающих в мрачности дождливого настроения, а тут вдруг глаза засветились, щёки дрогнули, принимая улыбку, всё внутри встрепенулось. А дело в чём? В небе, словно курица несущка клюнула в скорлупу туч, помогая жёлтому пушистому птенцу вырваться из заточения. Вот он и выскочил. И каждого обуюла радость от этого рождения. И мысли стали радостными.

Мужчина, что сидел у самого окна, провёл ладонью по редким волосам, случайно оставшимся на лысеющей голове, мысленно перепроверяя себя, действительно ли он хочет сказать то, что пришло только что в голову, и, согласившись с собой, что да, хочет, сказал:

– Вы, друзья, не будете возражать, если я расскажу вам о том, как впервые поцеловал девушку? У каждого, наверное, это сидит в памяти. Никому не рассказывал, а тут вот вспомнилось почему-то. Может, и вы свои истории присовокупите к моей?

Второй пассажир, сидевший по другую сторону столика, оказался военным, о чём говорило не только крепко сложенное тело с выпиравшими из-под тенниски накаченными тренировками мышцами, но и китель со звёздными погонами, висевший у входа в купе. Он-то, обладатель кителя, наверное, и угостил попутчиков водкой.

– Интересное предложение, – философски заметил он после некоторой паузы, во время которой успел взвесить все «за» и «против» такой идеи и, не отрывая глаз от луча солнца, добавил:

– Попробуем, если получится. Интересно послушать.

Третьим пассажиром, пристроившимся в углу купе возле двери, откинувшись спиной к стенке, был самый пожилой из присутствовавших. Небольшая белая бородка клинышком выдавала в нём столичного интеллигента. Его ответ на обратившиеся к нему взгляды был кратким:

– Не возражаю. Начинайте.

Поцелуй в лоб

И рассказ начался.

– Не знаю, правда, покажется ли моя история интересной, но то, что она необычна, так это точно. Обычно ведь где люди целуются – в парке на скамейке, у ворот, когда провожают девушку, у крыльца дома, в кино, в лесу... словом, оказавшись вдвоём с предметом восхищения. То есть места могут быть разные, но суть происходящего одна – влюблённые оказываются наедине и тогда решаются на поцелуй.

У меня всё произошло иначе. Так случилось, что в период моей учёбы в школе в стране происходили реформы образования, когда женские школы стали сливать с мужскими. Мне довелось, правда, с первого класса учиться в смешанной школе, а восьмой класс пришлось идти в бывшую женскую школу. Вот и пришёл в класс, где было пятнадцать девочек и только пять мальчиков. Что с нами делали эти девочки, как издевались над мальчишками, трудно пересказать.

Рассказчик улыбнулся и выразительно покачал головой, уносясь в своём воображении в те далёкие годы.

– Но это я к тому, – продолжал он, – что, если я и влюблялся в те годы в слабый пол, то не в нашем классе. Не потому, что мне не нравились наши девочки. Нет, я даже как-то выступил на родительском собрании в их защиту, когда одна из родительниц ученика стала ругать и обзывать всяческими

словами девчат за их плохое отношение к её сыну. Помню, взорвали меня эти слова взрослого человека, и я с дрожью в голосе заявил, что, оскорбляя наших девочек, мать моего соученика оскорбляет вместе с ними меня, поскольку, если девочки плохи для её сына, а хороши для меня, значит, я тоже получаюсь плохим. Считать же наших девочек плохими я не могу.

Это была героическая речь для того возраста, авторитет мой у наших проказниц, я думаю, тогда вырос, но отдать предпочтение какой-то одной красавице в нашем классе, очевидно, было невозможно в обстановке существенного преобладания женского пола. Так что моё внимание привлекла черноглазка из параллельного десятого «Б». Однако то ли от природы я был стеснительным, то ли девочки в восьмом и девятом классе так воспитали меня, что боялся я не то что бы признаться в любви, а даже подойти и заговорить с объектом моих душевных переживаний. До сих пор не знаю её имени.

Встречались мы всегда случайно на широкой школьной лестнице или во дворе школы. Всякий раз я буквально тонул в черноте её глаз и, чтоб совсем не пропасть, отводил взгляд в сторону. Она, разумеется, заметила это своё влияние и встречала меня то едва заметной улыбкой с эдакой, как мне казалось, ехидцей, будто спрашивая: «Ну, что же ты?», то серьёзно, устремляя свою космическую черноту глаз прямо в меня. И я терялся.

Мы так и не познакомились с нею. И она так и не узнала, что я написал стихи про её глаза:

Ах, какая темень
Ах, какая ночь.
Больше б захотели,
Да уже не в мочь.

Глубина, что космос
В тех глазах.
Взгляд бросаю косо:
Прямо – страх.

Утону и баста.
Что тогда?
Ах, какая сладость
Для меня.

Не могу решиться
В них взглянуть.
Могут чёрной птицей
Упорхнуть.

Рассказчик читал стихи, не спрашивая, любят ли сидящие в купе поэзию, хотят ли слушать, интересно ли то, что он прочитал. Он рассказывал страницу жизни, и стихи просто

были её частью, одним абзацем, или самой короткой, но за-
поминающейся строкой.

Человек с лысеющей головой поставил руки локтями на столик, сложил ладони и опёрся на них подбородком, устремив свой взгляд в прошлое, о котором и говорил:

– Нет, я не целовался в школе ни с кем. По-моему у нас тогда это не было принято. А рассказал я об этом лишь для того, чтобы вы поняли мои чувства, связанные с одним эпизодом начала моей театральной жизни.

Собственно, выступать на сцене я начал в самом раннем детстве. Но то был детский театр. Много лет мне довелось участвовать в работе драматической студии дворца пионеров. В те годы руководители различных кружков приходили в школы и агитировали учеников приходиться на занятия то в авиамодельный, то в радиолюбителей, то в спортивные секции. Это было интересное время. Сегодня, как я понимаю, тоже есть различные клубы, но повсюду надо платить за то, что тебя будут чему-то учить. Раньше было иначе.

Мне нравился театр. Руководила драматическим кружком у нас профессиональная актриса из московского театра. Учила правильной дикции, технике декламации, умению держаться на сцене.

– Между прочим, – и рассказчик откинулся назад, окидывая взглядом по очереди собеседников, – доводилось ли вам когда-нибудь стоять на сцене? Ну, наверное, на собраниях и заседаниях. Это совсем не то. Нет, стоять так, чтобы все

зрители смотрели только на вас, приходилось? Очень даже не просто, должен сказать. Помню, как в доме пионеров наша Роза Григорьевна попросила меня сесть на стул перед собравшимися начинающими актёрами и прочитать один абзац из газеты, но не вслух, а про себя. «Нет ничего легче, – подумал я тогда самоуверенно, считая себя в душе уже великим актёром. Сел эдаким гоголем и читаю себе, одновременно думая, как я выгляжу со стороны. Тут она спрашивает:

–

Прочитал абзац?

–

Да, говорю.

–

Ну, теперь расскажи, о чём он.

Только тогда я понял, в чём фокус нашего руководителя. Я абсолютно ничего не запомнил из прочитанного. Сидя на стуле, я ощущал на себе взгляды и думал только о них, не понимая ничего из читаемого текста. И так было с каждым, кто садился на стул перед всеми. Прошло немало времени, пока мы научились выдерживать взгляды и понимать читаемый текст.

В театре рассказывают массу анекдотов о первом выходе на сцену непрофессионалов. Как-то роль слуги в спектакле вместо не пришедшего по внезапной болезни актёра поручили техническому работнику, никогда до этого не выходившему на сцену. Задача была самая простая. Нужно было вый-

ти, поклониться и сказать всего одну фразу: «Здравствуйте, граф!» Техника одели, загримировали и в нужный момент вытолкнули на сцену. Тот, оказавшись перед публикой, обомлел от волнения и совершенно забыл, что должен был делать. Сзади ему зашептали «Здравствуйте, граф!». Дебютант молчал. Из суфлёрской будки суфлёр махал руками, привлекая к себе внимание, и чуть ли не в голос говорил: «Здравствуйте граф!». Голоса подсказывающих были слышны в зале. Новоиспечённый актёр молчал, вытаращив глаза, силясь вспомнить, что ему говорили. Наконец из зала раздался зычный голос нетерпеливого зрителя:

—

Да поздоровкайся с графом, дура!

Зал разразился хохотом. Сцена была сорвана.

Так что жить на сцене, забывая о зрителе, не каждому дано. Однако вы спросите, к чему я клоню? Не ушёл ли я в сторону от темы? Нет, не ушёл, потому что первый мой поцелуй был связан со сценой.

Я уже считал себя профессиональным актёром, хоть и выступал только с коллективом Дома пионеров. Хорошо помню роль Сеньора Помидора в пьесе Джанни Родари «Чипполино». Она у меня получалась неплохо. Мама мне пошила толстовку, чтобы сделать меня потолще, и я очень важно расхаживал по сцене. Самым трудным эпизодом для меня оказался момент, когда я должен был подбежать к Графине Вишне, упасть на колени и виновато сообщить о том, что арестован-

ный Чипполино сбежал из тюрьмы. Мы с режиссёром долго бились над тем, чтобы вышибить из меня важность, которая давалась мне легче, чем низкопоклонство.

Так вот, после окончания школы, когда Дом пионеров был мне уже не по годам, я пошёл в Клуб имени Первого Мая, где работал взрослый драматический коллектив. Меня с радостью туда приняли и тут же попросили сыграть в пьесе Арбузова «Таня» маленький эпизод, в котором даже слов почти не было. Не стану рассказывать содержание пьесы. Многие её знают, но дело не в этом. В мою задачу входило войти в хижину, в которую принесли перед этим обмороженную героиню Таню, подойти к лежащей на лавке девушке и сочувственно поцеловать её.

Казалось бы всё просто. Но это сейчас, что ни фильм на экране телевизора или кинотеатра, то поцелуи взасос и постельные сцены. В современных школах, говорят, чуть ли не половина старшеклассников знакома с сексом. А раньше даже слово «секс» произносить стеснялись. Общество было другим. И, мне кажется, оно было лучше сегодняшнего раскрепощённого донельзя. Ну, это спорный в теперешнее время вопрос. Я же жил в те благословенные времена и до прихода в театр ни с одной девушкой не целовался.

Режиссёр, предлагая мне сыграть этот эпизод, не подзревала, какую бурю чувств она тем самым вызвала во мне. Спектакль был уже поставлен, меня ввели в него в последнюю репетицию в порядке замены какого-то актёра. На

этом прогоне спектакля я чисто технически вошёл, сказал несколько слов и сделал вид, что целую актрису.

Сделал вид. Это надо понимать, почему. Иной ловелас так и чмокнул бы девушку в губы на радостях. А я ну никак не мог себе этого позволить. Мне казался поцелуй чем-то священным. Мне думалось, что, поцеловав девушку, я должен на ней жениться. В Индии существовала традиция, по которой мужчина не имеет права даже прикасаться к девушке до свадьбы. Я, наверное, был воспитан в таком же духе. Во мне при виде красавиц всегда всплывали строки стихов Сергея Есенина:

*Поцелуй названья не имеет.
Поцелуй не надпись на гробах.
Алой розой поцелуй веют,
Лепестками тая на губах.*

Мне мечталось, что и мой первый поцелуй будет таять на губах любимой. А тут вдруг надо поцеловать совершенно незнакомую мне девушку. Да как же это? И в то же время я был актёр. Не мог же я сказать, что ни разу ещё не целовался и не могу целовать без любви. Зачем я тогда пришёл в театр? Выслушал задачу, поставленную передо мной режиссёром, и бодро кивнул головой. Подумаешь, всего то и делов – поцеловать. Но когда я приблизился к лежащей на скамейке героине, внутри меня всё горело огнём. Не знаю, как я ещё не

забыл текст произнести. Даже лоб, помню, вспотел. Сказал и наклонился над личиком, ожидавшим поцелуя, но тут же отклонился, будто бы уже поцеловав.

Режиссёр это заметила и строго сказала:

– Но завтра всё делать по-настоящему. Это театр.

Зато главная героиня, видевшая близко мои глаза, по которым можно было прочесть многое, поняла мою нерешительность. Ибо только она могла рассмотреть выражение склонившегося над нею лица, и она шепнула:

– Можешь поцеловать в лоб.

Так я, собственно говоря, и сделал во время премьеры. Вбежал в, так называемую, избу, произнёс текст и отчаянно поцеловал Таню в лоб. И до сих пор у меня перед глазами стоят её испуганные за меня глаза, а на губах чувствуется вкус пудры. Лоб-то у неё был напудрен в полную меру.

Второго поцелуя не получилось, так как меня в это время призвали в армию, и следующий спектакль мою роль исполнил другой актёр. А память об этом поцелуе у меня осталась на всю жизнь.

Затихшие было колёса поезда застучали громче по шпалам в ожидании следующих рассказов.

ЖИВИ ДЛЯ МЕНЯ!

Новичок в палате

На место выписавшегося счастливчика Роберта в середине дня, когда мы успели пообедать и вернулись в свою палату, к нам положили нового больного, интеллигентного вида пожилого человека в очках, стёкла которых охватывала тонкая золотая оправа, ещё не совсем седого. Его привезли на каталке в сопровождении женщины средних лет, как стало ясно из разговора, дочери. Две санитарки довольно крупного телосложения легко, как пушинку, перенесли тело пациента с каталки на кровать, укрыли его одеялом, сказали, чтоб он лежал спокойно в ожидании медсестры, и тут же удалились, увозя перед собой устройство для перемещения больных.

Дочь, обнаружив тумбочку, открыла покосившуюся дверцу и уложила внутрь принесённые вещи, доставая их из большой кожаной сумки. Тут была и одежда, и чашка с иностранной надписью, и стакан, и ложка с вилок, и бутылка с минеральной водой, и фрукты – лимон, апельсины, бананы, яблоки. Воду и стакан она поставила на тумбочку. Фрукты, покачивавшись, тоже положила сверху.

Новый больной, слегка улынувшись, сказал:

– Да к чему мне всё это, доча? Я же их есть не буду.

– Будешь, папа, – безапелляционно ответила женщина. –

Надо есть фрукты. И я побегу, а то мне пора на лекцию.

– Поцелуемся на прощанье, – донёсся с постели слабый

ГОЛОС.

Дочь наклонилась, целуя отца и говоря:

– Да, я, может быть, ещё заскочу сегодня, если успею.

– Зачем, доча? Не утруждай себя. Со мною всё в порядке.

Я уже скоро встану.

– Ни в коем случае не вставай. Лежи. И прошу тебя, не переживай так. Ничего уже не сделаешь, а жить надо. Пока.

Женщина накинула на плечо чёрную сумку, помахала приветственно рукой и вышла из палаты.

Тут же появилась медсестра с тонометром в руках. Она подошла к новому больному с левой стороны, не говоря ни слова, достала из-под одеяла его левую руку и стала измерять давление. Затем, всё так же молча, достала из кармана коробочку с таблетками, положила одну в ладонь больному, произнеся:

– Выпейте.

Она налила из бутылки воду в стакан, подала его больному и тут же вышла.

Только теперь я решился с ним заговорить.

– Что у вас?

– Подозревают инфаркт. Да как же ему и не быть, когда...

Новый больной поставил стакан на тумбочку и повернулся ко мне всем телом. На лице написано страдание. Брови сдвинулись, глаза наполнились слезами.

Я поспешил сказать:

– Дочь просила вас не переживать.

– Да, это правда, – ответил больной, которому, по моим представлениям, было лет семьдесят. – Переживать мне нельзя, только как это сделать, я не знаю. Вот я вам расскажу сейчас, если хотите, как на исповеди свою историю. Может, полегчает.

– Я вас слушаю.

Старик вытер кулаком глаза и начал рассказ. Говорил он медленно, часто останавливаясь, переживая и, видимо, представляя всё то, о чём рассказывал.

Такое счастье, когда тебя любят!

...Я со своей женой познакомился пятьдесят лет тому назад. Мне сейчас семьдесят четыре года, а тогда, стало быть, было двадцать четыре. Но я помню всё, как если бы это было вчера.

Наша семья тогда жила в Ялте на Севастопольской улице в двухэтажном старом доме, построенным из диорита, – есть такой камень в Крыму. Сейчас такие дома не строят. Комнаты большие, потолки высокие. Квартира, правда, у нас была небольшая – две комнаты, кухонька и просторная веранда, на которой отец даже устроил лимонарий – посадил в кадках несколько лимонов, и они давали плоды. И стояла там ещё кровать, на которой иногда спал я, а иногда папа. Один мой брат учился в институте в Симферополе, сестра, старше меня на три года, уже была замужем и жила отдельно, а старший брат, неженатый, жил с нами.

Как-то летом сестра пригласила свою подругу Юлю, бывшую сокурсницу по техникуму, к нам погостить. В Ялту все с удовольствием едут. Приехала и она. Весёлая, улыбчивая, волосы тёмные и пушистые до плеч, глаза глубоко посажены и всё время прячутся за ресницами, так что я даже не сразу рассмотрел, что зрачки зеленоватые. Груды у неё были в меру полные, но не вызывающе, роста она была сантиметров на двадцать ниже меня, хотя это я никогда не замечал, всё

казалось, что она такая же, как я.

А надо сказать, что работал я тогда в горкоме комсомола. Работа среди молодёжи, девушек вокруг меня было, хоть пруд пруди. Однако из-за постоянных вечерних мероприятий – то рейдовые проверки, то комсомольские вечера, то собрания – времени на свидания и влюблённости у меня никогда не оставалось. Влюблялись в меня девчата, но мне всё было не до того.

Помню, во время одного из походов в горы у меня порвалась куртка. Я не обратил на это внимания. Но когда мы улеглись все вместе в палатки ночью, то секретарь комсомольской организации хлебокомбината Валентина, ничего мне не говоря, села у костра и починила мою куртку. Её любовь ко мне чувствовалась, но я едва успевал это замечать.

Одна девушка пришла как-то ко мне в кабинет и заявила, что уезжает навсегда, так как любит меня и не может вынести того, что я этого не вижу. Я тогда сказал: «Так в чём же дело? Всё ещё можно поправить». Однако она уже приняла для себя решение и уехала.

Такие у меня были отношения с девчатами. Приглашал я их на комсомольские мероприятия, и дело тем ограничивалось. Смотрел я на красавиц только с точки зрения полезности в общественной жизни, и о свиданиях даже не думал.

А тут, надо же, прямо у меня дома такое чудо природы, скромная, независимая. С первого же взгляда на неё я почувствовал непреодолимое желание её обнять. Она подаёт

руку при знакомстве и глазами так весело смотрит. Сестра что-то щебечет об их совместной учёбе в техникуме и что Юля спортсменка, смелая, прыгала с парашютом. Она казалась мне фантастически необыкновенной. Успела окончить институт и теперь работала научным сотрудником в ГИП-Хе – так тогда назывался раньше государственный институт прикладной химии.

Но если бы вы знали, насколько малое значение для меня имели все эти сентенции. Я о них и не думал. Просто влюбился в Юлю, в её глаза, в её тонкие губы, в фигурку с напряжённой грудью, в весёлый смех и одновременно в серьёзность. Так влюбился, что на следующее же утро после знакомства поцеловал Юлю, но не так, как обычно целуются. Произошло это неожиданно для меня самого.

Дело в том, что кровати лишней для Юли у нас не было, так что положили её спать на раскладушку, которую поместили посреди большой комнаты. А мы с братом спали в другой комнате, поменьше. Утром я встал умываться, вошёл в большую комнату, а Юля ещё спала или делала вид, что спит. Скорее всего, что притворялась спящей до тех пор, пока все в квартире начали вставать и ходить по комнате.

Отец ещё дремал на веранде. Мама хозяйничала на кухне. Я, проходя мимо Юли, совершенно был уверен, что она спит. Девушка была прекрасна своей какой-то беззащитной юностью, и до того меня потянула какая-то сила к ней, что я не удержался, наклонился над её лицом и коснулся губами

её губ. Ну, не знаю, как можно было при этом не проснуться, только Юля глаз не открыла, а я тут же отклонился и торопливо пошёл умываться.

Так началась наша любовь, потому что Юля, разумеется, догадалась, кто её поцеловал, хоть она ничего не сказала по этому поводу, сделала вид, что ничего не произошло. А у меня эта картина, когда я наклоняюсь для поцелуя, боясь, что она проснётся, до сих пор стоит перед глазами, хотя прошло с тех пор пятьдесят лет. И второй поцелуй случился очень не скоро. Юля побывала у нас несколько дней и уехала к себе в город Саки. Есть такой курортный город в Крыму, где лечат грязями.

Те дни, что она у нас жила, с нами постоянно были мои брат и сестра – мы гуляли по набережной, купались в море, ездили по разным достопримечательным местам, так что наедине с Юлей побыть мне не пришлось. Уезжая, Юля приглашала всех к себе в гости, оставила адрес. И я первый решился её навестить. В ближайшее воскресенье собрался утречком, проголосовал на попутный грузовик в Симферополь, а оттуда так же на попутке добрался до Сак. В то время попутный транспорт был очень популярен: и дешевле, и быстрее.

Я сошёл с машины перед Саками, нарвал букет полевых маков и ромашек и явился с ним к моей возлюбленной, не представляя, как она меня встретит. А она, как увидела меня в дверях, так закружилась на месте, радостно крича: «Приехал! Приехал!»

Погуляли мы с нею по красивому сакскому парку, походили у озера, покатались на качелях, и я счастливый уехал в Ялту. А там меня сестра дожидается и говорит: «Ты что это к Юле прицепился? Я её пригласила к нам, чтобы старшего брата женить, а не для тебя».

Нужно сказать, что своего брата, который был на десять лет старше меня, я очень любил. И я знал, конечно, что он когда-то хотел жениться на женщине с двумя детьми, но мама категорически была против. С тех пор он никак не мог найти себе подругу. В отличие от меня, энергичного комсомольского работника с огромным количеством друзей и подруг, брат мой был стеснительным по характеру и очень нерешительным в отношении женщин. Об этом мне сестра Галя и напомнила, усовестив меня за непонятливость.

Я подумал, что, в самом деле, нехорошо получилось, и с тяжёлым сердцем предложил Роме, так звали моего старшего брата, поехать к Юле в гости. Он долго отнекивался, но Галя настаивала, и он согласился. Мы, конечно, не подумали, что тем самым можем нанести ему ещё больший моральный удар. Большую боль.

Рома поехал в Саки, а я весь день переживал, ходил сам не свой. Вернулся он подавленный. Встретила его Юля, по его рассказу, хорошо. Они погуляли по Сакам, катались на лодке по озеру, но, когда он сказал ей, что мы с Галей решили, будто она ему подходит в невесты, то уж не знаю как, но Юля ответила, что мы не должны решать за неё этот вопрос. И

Рома уехал в расстроенных чувствах.

Три года мы с Юлей в основном переписывались. Иногда она приезжала к нам на праздники, иногда мы ходили вместе в горы. Как-то мы пошли в поход почти всей семьёй с ночёвкой. Так получилось, что мой другой брат, близнец, Артемий, приехал на каникулы из Симферополя. С ним была его подруга. И мы с ними, с Ромой и Юлей пошли в горы нашим любимым маршрутом по Чёртовой лестнице. Там, наверху, в лесочке заночевали. Никогда не забуду эту ночёвку.

Поставили мы палатку, развели костёр, пели песни до самой ночи, а потом утомлённые улеглись все спать. У каждого был спальный мешок. Палатка была небольшая, но все вместились. Улеглись мы рядком. Я с краю, а Юля между мной и Ромой. Всю дорогу во время похода мы все были вместе, так что нам с нею не то что целоваться, а поговорить друг с другом о личных чувствах было невозможно. А тут, в палатке, в ночной темноте мне страстно захотелось поцеловать Юлю, но она легла ко мне спиной. Я был в отчаянии и зашептал на одном дыхании: «Юля! Юля!» Но что такое ночь в лесу, когда птица не пискнет, листок не шелохнётся, когда всё спит, и тишина такая, что словно вата в ушах? Мой шёпот, наверное, казался громом, но я в порыве собственной страсти этого не осознавал и продолжал шептать: «Юля! Юля!», пока, наконец, Тёма не выдержал и не стукнул по моему мешку рукой. Лишь тогда я сообразил, что все слышат мой шёпот. А Юля даже не шелохнулась, но это только распаляло мою

любовь к ней.

Наша переписка продолжалась. Впрочем, для неё это тогда носило вполне дружеский характер. Она по-прежнему отвечала на мои письменные любовные излияния сдержанными выражениями дружбы. Я был весь в комсомольских делах и пока не думал о женитьбе. Как-то под Новый год одна девушка взялась погадать мне по руке и предсказала скорую свадьбу в наступающем году. Я тогда очень смеялся, сказав, что это невозможно. Старший брат мой оставался холостяком, а я не считал себя вправе опережать его. И вот тут произошла неожиданность.

Мой брат-близнец Артемий рассказал своей сокурснице о том, что наш старший брат Рома не может найти себе невесту, и спросил, не согласилась бы она стать его женой. А та возьми, да и согласись. Тёма пригласил её к нам домой в гости, предупредив брата о заочном согласии девушки выйти замуж, и они быстро нашли общий язык и уже в феврале сыграли свадьбу. Пригласили и Юлю. Она подарила ново-брачным настольные часы, которые долгое время отсчитывали время их совместной жизни. И сидели мы на свадьбе с ней вместе, держась за руки под столом.

В это время зазвонил телефон. Просили меня. Я подошёл, взял трубку. Звонила девушка, с которой мы были очень дружны, но рассорились. И вот как это случилось. В последнее время по той причине, что ей подруга отсоветовала выходить за меня замуж, она не стала разговаривать со мной,

когда я приходил к ней в общежитие.

Валя – так звали девушку – работала в магазине канцелярских товаров, а её подруга в магазине одежды. Ну, так эта подруга видела, как я покупал свадебное платье для невесты моего брата, но решила, что я женюсь, и сообщила об этом Валентине. Я-то намеренно не сказал подруге, для кого это платье, чтобы позлить Валентину. Вот она и позвонила, чтобы поздравить с бракосочетанием.

Как же она опешила, когда услышала мой весёлый ответ, что это брат женится, а не я. Она молчала, в шоке от услышанного, а я продолжал:

– Ничего страшного, Валя. Не поздно ещё всё поправить.
А она ответила:

– Нет, поздно. Теперь поздно, – и повесила трубку.

Позже я узнал, что в расстройстве от моей будто бы женитьбы она дала согласие на замужество моему товарищу по комсомолу, который давно пытался за ней ухаживать.

Так что претенденток на меня в то время было много. Я чувствовал себя несколько виноватым перед Юлей и писал ей такие стихи:

*Ты прости меня, хорошая!
Ты прости, что нехороший я!
Ты прости! Уж мне так хочется
Вдруг услышать: Не прощу!*

*А над озером с туманами,
Где плывут мои страдания,
Ты протянешь руки жалобно
И прошепчешь: Не пущу!*

*Что ж душе моей так хочется?
То ли радости? То горечи?
Ах, любое, только сильное.
Ты прости меня!
Прости меня!*

И она, в конце концов, ответила на мою страсть, прошептав, что давно любит меня. Это произошло в мае. Я приехал к Юле, как обычно, в воскресный день. Мы пошли гулять по парку. И там, стоя в высокой траве, я обнял её и предложил выйти за меня замуж. Тут она слегка отстранилась от меня и спросила: «А это ничего, что я старше тебя на три года? Ты не будешь меня упрекать в этом?»

Вот, оказывается, что заставляло её быть сдержанной со мной всё это время. Я крепко поцеловал свою избранницу и за всю жизнь ни разу, ни единым словом не обмолвился о нашей разнице в годах. Только она не любила отмечать свои дни рождения, особенно в последние годы.

В тот день мы долго гуляли, а потом пришли в маленькую квартирку на главной улице Ленина, где Юля жила вместе со своей тётей Алей. Мама Юли умерла вскоре после войны,

и её сестра забрала к себе девочку из Калининской области в Крым. Так что я просил руки Юли у тёти Али, маленькой сторбленной женщины с больными, но очень добрыми глазами. О её героическом прошлом медицинской сестры хранятся материалы в местном музее.

Тётя Аля расплакалась, хотя большой неожиданностью моё предложение не было. Затем мы с Юлей поехали ко мне в Ялту. Там, сидя за обеденным столом, я весело спросил у мамы, как она посмотрит на то, что мы с Юлей поехали бы куда-нибудь летом попутешествовать. Мама всё поняла, но, переставляя кастрюли, ответила просто: «Отчего же не поехать? Съездите». А потом я уже заговорил о женитьбе.

Мама, наверное, не считала Юлю достаточно хорошей партией для меня, но спорить не стала. Она знала мой характер: уж если решил, то не отступлюсь. Я не Рома.

Мы сыграли свадьбу в июле, спустя чуть больше недели после дня рождения Юли. На свадьбе я читал свои стихи, которые начинались так:

Крутитесь, магнитофоны!

Работайте, кинокамеры!

*Беру я девушку в жёны
хорошую самую, самую.*

Я обещал Юле сделать её счастливой. Очень скоро меня пригласили работать за рубежом, и мы уехали вместе. И я

думаю, что она была счастлива. Поездили мы с нею по свету от Африки до Северного полюса. Всю землю исколесили в командировках. Всюду она была со мной, любя всей силой своего сердца. Видно, запали ей в душу мои строки о том, что чувства должны быть сильными. Она сдувала с меня пылинки, дышала мною. Друзья смеялись, говоря, что она никого, кроме меня, не видит.

Понятное дело, как в любой семье, не всё было гладко. Сначала, особенно после рождения дочери, она говорила мне, что я обязан делать то-то и то-то, а она свои обязательства выполняет. Я тогда отвечал вразумительным тоном, что ничего не надо делать по обязанности. Я всё умею делать сам: и стирать, и готовить, и убирать за собой. Если не хочется что-то делать, не надо. Жить вместе следует по любви, а не по обязанности. И она поняла и привыкла всё для меня делать, предупреждая мои желания. Даже за дочкой она не ухаживала так, как за мной. Но я вспоминаю рождение нашей дочки, ещё один эпизод нашей с Юлей жизни.

В Саках, на пляже, ей вдруг стало плохо. Я испугался, хотел звать скорую помощь. Но женщина рядом меня успокоила, сказав, что просто ваша подруга беременна, и это лёгкий обморок. Так оно и было. В эту ночь мы обсудили вопрос о будущем ребёнке. Узнав, что я хочу его, Юля произнесла:

– Хорошо, я рожу, но воспитывать будешь ты.

Я согласился и воспитывал дочку, как мог. Юля же конечно, тоже воспитывала по-своему, но всё через папу: папа

сказал, папа узнает, папа не разрешает, – хотя на самом деле папа всё позволял и никогда дочку не ругал.

Между командировками получил я в Ялте квартиру, но меня пригласили работать в Москву, и мы обменяли ялтинскую квартиру на столичную. Дочка окончила институт иностранных языков, стала переводчиком, вышла замуж. Юля ушла на пенсию, и теперь вообще всё внимание уделяла только мне.

Поселились мы на Нагатинской набережной возле самой Москвы-реки. Каждое утро Юля выходила на пробежку по набережной. Следила за своим здоровьем. А когда мы жили в Ялте и ходили на море, то она всегда любила заплывать далеко за буйки и волн больших не боялась. Такая смелая была. Да и с парашютом когда-то прыгала. Вот и в Москве стремилась сохранять форму. У неё даже друзья по бегу на набережной появились.

Купили под Москвой дачу, и Юля всё лето пропадала на грядках, ухаживая за помидорами, огурцами, кабачками, капустой, морковкой и всякой зеленью. А зимой мы любили ходить на лыжах. Мы – крымчане, и мастерами катания были небольшими. Бывало, Юля упадёт на пушистый снег и лежит, хохочет в ожидании, когда я подъеду и помогу подняться.

Рассказчик остановился и глубоко вздохнул. Казалось, он не видел ни меня, ни больничной палаты. Глаза его свети-

лись радостью. Он весь был в счастливых воспоминаниях. И вдруг, словно тень опустилась на его лицо. Оно опять погрузнело, и рассказ продолжился теперь с большими перерывами, во время которых мужчина вздыхал, как бы набирая воздух для следующего предложения.

Горе горькое

Но, то ли возраст дал о себе знать, то ли другие причины возникли, а только начало у моей Юлиньки сдавать сердце. Пришлось ходить по врачам. И однажды зимой прямо из поликлиники, её отправили в больницу: слишком высокое давление было, да и другие показатели подкачали. Дней десять она там подлечилась, и её выписали. Тут уже после возвращения домой она по набережной не бегала, но стала прогуливаться по утрам. Прочитала она где-то про скандинавскую ходьбу, что поддерживает силы. Срезали ей две палки в лесочке, и начала она с ними вышагивать километровки. Страх потерять силы превышал всякие недомогания. Поднималась она всегда раньше меня. Я-то сова по природе, работаю до поздней ночи, а она жаворонок, вставала чуть свет и шла с палками, но всегда стремилась успеть придти домой до моего пробуждения, чтобы приготовить завтрак.

Интересная деталь. Юля любила носить мои вещи. То рубашку мою наденет, то в мои сапоги влезает, то джинсы мои старые донашивает. Своих вещей у неё хватало, однако к моей одежде у неё было пристрастие, словно она чувствовала в ней мою близость.

В собесе дали нам с нею путёвку в подмосковный санаторий на берегу Истры. Там мы регулярно занимались лечебной гимнастикой и плавали в бассейне. Тут уж по числу кру-

гов, которые она делала в воде из конца в конец бассейна, её никто не мог опередить. Плавала она, не торопясь, но долго. Она ж у меня была худенькая и спортивная.

Но судьбе было угодно повернуть всё по-своему, а не так, как Юля хотела. Однажды весной, когда она больше всего опасалась обострений, ночью в нашей квартире с потолка полилась вода. Это соседка этажом выше уехала на дачу, а мужа оставила дома пьянствовать. Что он там делал, не знаю, но он крепко спал, когда по всему полу разливалась вода, а у нас в квартире пошёл настоящий дождь. Мы с дочкой бросились убирать воду, и надо же было так случиться, что именно в это время Юля почувствовала себя плохо, давление подскочило. Я вызвал скорую помощь. Прибыл врач быстро, так что ему и медсестре пришлось ещё шагать по воде.

Состояние Юли им не понравилось, и взяли её в больницу на Таганке. Оттуда через несколько дней мы по знакомству перевели её в кардиологическое отделение научно-исследовательского центра профилактической медицины, где её могли хорошо обследовать. Опять брали анализы, всё проверяли, и выяснилось, что подкачали сосуды и нужно делать операцию, но не здесь, а в другом месте – в кардиологическом институте имени Бакулева. Тоже известный в стране научный центр.

Дали мне телефон хирурга, мы с ним встретились в его кабинете. Поразил меня в нашу первую встречу прямо поставленный вопрос: «Каковы ваши финансовые возможности?»

Тогда я не придавал этому факту большого значения, сказав, что живём мы на обычную пенсию, да платят мне за преподавание, а книги свои я, как большинство писателей в наше время, издаю за свой счёт.

Хирург оказался арабом по национальности. Кстати, в этом институте, как я узнал позже, работает много иностранцев из бывших советских республик и стран востока. Видимо, нашим российским хирургам меньше доверяют или им труднее пробиться в этот институт.

Ну, в общем, араб с отчеством Ахмедович усмехнулся моим возможностям и сказал, что придётся заплатить за некоторые анализы, которые в их поликлинике платные, и потом после операции нужно заплатить сиделке за ночное дежурство у больной. Я сказал что, естественно, всё будет оплачено. Что касается самой операции, то нам, как жителям Москвы, её делали по квоте департамента здравоохранения бесплатно.

Пролежала Юля весь май. Сделали операцию по шунтированию сердца. Может, это как-то иначе называется, не само сердце шунтировали, а какие-то сосуды и аорту, но не в этом дело. Выполнял операцию грузин. Я потом почти целые дни проводил в больнице, прогуливая Юлю по коридорам, и тогда познакомился со всеми врачами и обслуживающим персоналом, всем раздаривал свои книги. Грузинский хирург мне очень понравился – серьёзный такой, собранный, выглядит надёжным специалистом, которому хочется дове-

рять. И действительно, свою работу он исполнил отлично, как потом выяснилось.

Всё было хорошо. Каждый вечер мы прогуливались с Юлей по нашей набережной. Первые дни ходили от скамейки к скамейке, так как ноги её быстро уставали. Но постепенно мы проходили расстояние всё большее и большее.

По привычке, которая сложилась чуть ли не с самой первой встречи, Юля шла с левой стороны от меня, крепко держа меня под руку. Иной раз у меня рука млела от её захвата, и я шевелил ею, чтобы прошли мурашки. Но так мы казались ближе друг к другу, и Юля была всегда со стороны моего сердца.

Мы доходили, не торопясь, до остановки «Причал Кленовый бульвар», и там жена моя, хотя я никогда не называл её женой – она всегда была моей любовью – садилась на скамейку, если там никого не было, клала ноги на скамью так, чтобы обувь выступала за край, и отдыхала. Если на остановке были люди, ожидавшие автобус, Юля сердилась, и мы проходили мимо, останавливаясь неподалёку, пока не приходил автобус и не забирал пассажиров. Тогда она занимала привычное место, позволяя ногам расслабиться.

Купили стимулятор крови для ног. Включали каждый вечер после прогулки. Это тоже помогало.

То, что через несколько месяцев предстоял второй этап операции по шунтированию сонной артерии, нас не очень пугало. Специалистам мы верили. Раз надо, так надо. И в ок-

тябре Юля снова оказалась в этом же институте, только теперь в отделении сосудистой хирургии, где командовал Ахмедович. Кажется, за день до операции мы с ним встретились. Он назвал мне тогда какой-то процент неудачных операций, которые могут завершиться даже летальным исходом. Мне думалось, что это не может иметь к нам отношение. Вспомнил я его слова во время операции, когда дежурил в больничном коридоре. Войдя в кабинет, когда туда вернулся после операции Ахмедович, я не услышал от него ободряющих слов «Всё прошло нормально». Не глядя мне в глаза, он буркнул:

— Ещё ничего не известно. Она в реанимации. Посмотрим, как пройдёт ночь.

Это было неутешительно. На следующий день я передал в реанимацию Юле записку и фрукты. Врач сказала, что состояние стабильное и скоро Юлю переведут в палату. Казалось бы, операция прошла успешно. То, что в голове Юля ощущала тяжесть, нам объяснили остаточным явлением наркоза. Но это состояние почему-то не проходило целых два года. Следовало придти на контрольную проверку в институт через три месяца, но врачи об этом ничего не сказали, а записку в выписном эпикризе мы не поняли, думая, что всё там написано для лечащего врача в поликлинике.

Сам Ахмедович не пожелал со мной встретиться после операции. Когда я заглядывал в его кабинет, он говорил, что занят, а потом сбегал, поэтому коньяк, конфеты и книги,

которые я принёс в качестве благодарности, пришлось оставить в ординаторской и попросить передать шефу.

В поликлинике по месту нашего жительства, хоть и взяли копию выписного эпикриза, но тоже ничего не сказали о том, что надо снова обратиться к врачам больницы для контрольной проверки. Юля жаловалась на тяжесть в голове, на то, что ослабла память. А я, пытаясь её успокоить, говорил, что любой человек забывает порой, что сказал и зачем пришёл. Врачи выписывали то одно лекарство, то другое.

Мы продолжали каждый вечер в любую погоду выходить на прогулку. Нам постоянно встречались одни и те же бегуны, которые, как и мы, не боялись ни дождя, ни снега, выполняя свою ежедневную норму бега. В хорошую погоду гуляющих было много. Тут тебе и на велосипедах, и на роликовых коньках, и мамы с колясками, и целующиеся парочки влюблённых, и рыбаки с удочками и рамочными сетками. Больше всего нам нравилось выходить в ненастную погоду, когда набережная на километр впереди оказывалась совершенно пустынной, и мы единственные шли, пригибаясь, навстречу ветру, обходя лужи и никого не встречая на своём пути. Нас охватывало тогда чувство гордости, что вот, мол, мы какие стойкие: никто не решается, а мы идём.

Как правило, я ходил, молча, продумывая очередную статью, которую собирался написать. Юля что-то рассказывала. Я её никогда не прерывал. Но однажды она была чем-то рассержена и даже выпустила мою руку из своей. Это случилось

с нею крайне редко. Я обычно при этом замыкался и долго с нею не разговаривал, думая с горечью, что вот, мол, я всё для неё делаю, а она позволяет себе повышенным тоном разговаривать. Так было и в этот раз. Но это, скорее всего, было связано с её плохим состоянием. Однако через несколько минут она снова взяла меня под руку и проговорила:

– Я резко с тобой разговаривала. Извини, пожалуйста.

Но я отхожу от обиды очень медленно, и она это знала. Поэтому она начала что-то весело щебетать, пытаюсь отвлечь от моих мыслей, задавала вопросы, принимая мои односложные ответы в качестве согласия на примирение. Уже на обратном пути домой Юля пела «Нам песня строить и жить помогает». Я подпевал ей, забыв окончательно о размолвке.

А проблема с головой не исчезала. Да и шея в месте операции над сосудами продолжала болеть. К этому добавилось ухудшение зрения. Пошли в институт глазных болезней имени Гельмгольца, где определили, что в одном глазу катаракта, а в другом начинается глаукома. Стали готовиться к операции на глазах. Но врачи попросили сначала отрегулировать кровяное давление, так как оно скакало, а операция на глазах, хоть и не такая сложная, но всё же операция и сопряжена с рисками.

Время от времени Юлю беспокоила застарелая язва желудка, на которую, видимо, влияли некоторые принимаемые от сердца и давления пилюли. И меня поражали упорство и настойчивость Юли. Почти каждый день она ходила по вра-

чам, просиживала в поликлинических очередях, решалась на различные анализы и процедуры. Врачи районной поликлиники никак не могли определить причину тяжести в голове у Юли. Наконец, направили на обследование в другую поликлинику, где сделали сканирование артерий.

Даже в нашу местную поликлинику я часто ходил вместе с Юлей. Она привычно брала меня под руку с левой стороны, и мы неторопливо шли, преодолевая расстояния. А в эту поликлинику, куда надо было ехать, мы тем более пошли вместе. Далеко она боялась сама идти, предполагая, что с нею всегда может что-то произойти. Бывало же, что и дома она неожиданно падала, опрокидывая стол, за который хваталась при падении. Участковый врач грешил на сосуды.

Сканирование проводила милая женщина. Для пояснения результатов она пригласила меня в кабинет и сказала, что обнаружила окклюзию левой сонной артерии, то есть той самой, на которой ей делали шунтирование. Эта артерия сейчас оказалась забитой тромботическими массами и заплатой. При этом она добавила, что впервые в своей практике сканирования артерий видит такой странный материал, использованный для шунтирования артерий.

Мне сразу вспомнились глаза Ахмедовича, ускользавшие от моего взгляда после операции. Стало понятно, что не остаточные явления наркоза беспокоили Юлю два года, а то, что по левой сонной артерии, снабжающей мозг, не поступала кровь вообще, а по правой поступала частично.

Чудесная во всех отношениях женщина, раскрывшая нам правду о состоянии Юли, узнав о её дополнительной проблеме с глазами, сказала, что глаза могут подождать, а с сосуда-ми надо решать как можно скорее.

Выписали Юле направление в ту же самую больницу имени Бакулева, чтобы они сами исправили свою же оплошность. Правда, в поликлинике этой больницы сразу раскритиковали заключение по дуплексному сканированию, провели своё сканирование, которое подтвердило предыдущее. Я позвонил Ахмедовичу по мобильному телефону. Он находился тогда в отпуске. Я напомнил о себе и сказал, что мы снова попадаем к нему, и я буду рад встрече с ним. Он в разговоре особой радости не проявил, спросил, откуда у меня его телефон, и пояснил, что к поликлинике больницы он не имеет отношения, а всё надо решать через поликлинику.

Короче, после всех мытарств с новыми анализами – любой собьётся со счёта, сколько раз Юля их сдавала – положили её опять в кардиологическое отделение. Хорошо, что дочка могла помочь мне ухаживать за мамой. Это было в конце лета. Я ещё находился в летнем отпуске и потому опять проводил все дни в больнице возле Юли. Тут меня все медсёстры и врачи узнавали, весело здоровались: они помнили, что я дарил им книги. А Юля продолжала бороться со всеми неприятностями, с оптимизмом посещая разные кабинеты и стойко перенесла коронаграфию, при которой ей делали укол в ногу, вводили в вену особый раствор и определяли прохо-

димось крови в сосудах. Весьма неприятная процедура. Но при этом опять же подтвердились предыдущие данные о том, что левая сонная артерия заблокирована, а правая тоже забита, но на восемьдесят пять процентов. Что касается области сердца, то поставленный там шунт работает безукоризненно.

Таким образом, оказалось очевидным, что в кардиологии Юле делать нечего. Проблема была с сосудами. Я вообще не понимаю, почему её тогда положили в кардиологическое отделение, когда сразу было ясно, что дело в сосудах. Пациентку выписали, а через три дня положили теперь уже в отделение к Ахмедовичу.

В палате было пять коек и пять больных женщин. Я приходил каждый день и садился возле кровати Юли. Мы ходили с нею по коридору, но немного. Она быстро уставала, но главное – она не чувствовала поддержку врачей. Ахмедович зашёл утром в палату, но к Юле не подошёл вообще. Это её очень расстроило. Она явно падала духом. Только хирург, который ей делал операцию на сердце, при встрече с нею в коридоре, стал расспрашивать о состоянии здоровья, ещё раз подтвердил, что с сердцем у неё всё в порядке, и постарался успокоить по поводу предстоящего стентирования. Он был в курсе того, что принято решение не оперировать заблокированную левую сонную артерию, так как это очень опасная операция, а поставить стент, то есть трубочку, на правую артерию, чтобы увеличить ток крови через неё и тем самым

улучшить состояние головного мозга.

— Это даже не называется операцией, — говорил он. — Она напоминает коронаграфию, которую вы уже делали успешно, и осуществляется без общего наркоза, так что всё будете наблюдать, осознанно.

Мы немного успокоились. В понедельник назначили операцию. Обещали начать в двенадцать дня. Я пришёл к одиннадцати утра, но Юлю отвезли ещё в десять. В палате женщин мне делать было нечего, и я начал прохаживаться по коридору в ожидании появления каталки с Юлей. Тут идёт Ахмедович. Поздоровался со мной и настойчиво попросил не ходить беспокойно, а сесть в кресло и ждать. Я понял, что операцией занимается другой врач. Время тянулось медленно. Я садился и опять вставал. Ахмедович, проходя мимо, встретился с радостно улыбающейся пациенткой и представил меня ей, сказав:

— Вот писатель. — И, обращаясь ко мне, попросил меня назвать мою фамилию, которую он забыл.

Я назвал себя, и на том наше общение закончилось.

Привезли в палату другую больную, а Юли всё не было. Наконец, около двух часов дня я увидел каталку с выглядывавшей из-под простыни родной мне головкой Юли. При виде меня на лице её появилась едва заметная улыбка радости. Когда её завезли из коридора и переложили в кровать, я вошёл и, склонившись над ней, поцеловал. Она спросила, долго ли я ждал. Потом сказала, что с трудом вынесла такую

процедуру, когда врач исколол ей все ноги и никак не мог попасть в нужный сосуд.

– Но теперь тебе легче? – спросил я.

– Ну, вроде бы, – ответила она уклончиво.

Однако это и понятно. После такого напряжения, кто же сразу почувствует себя лучше. Я вышел из палаты высказать свои слова признательности врачам. В коридоре встретил Ахмедовича. Обратился к нему, но он сразу остановил меня словами:

– Вон ваш спаситель. Говорите с ним, – и он показал на вышедшего из лифта высокого ярко выраженного грузина.

Я пошёл ему навстречу, представился мужем Юли. Он пожал мне руку. От него несло спиртным. Это меня удивило, но я подумал, что, вероятно, врач помыл руки спиртом после операции.

Говорю:

– Мне хотелось бы вас поблагодарить за работу.

На это он чуть не замахал руками, сказав неожиданно, что всё ещё впереди, успею поблагодарить. Я не понял и вопросительно посмотрел на него. Тогда он пояснил, что они поставили стент на позвоночную артерию, которая тоже была забита, из-за чего на сонную артерию ставить стент было опасно. Так что теперь они посмотрят, как будет вести себя этот стент, и потом поставят стент на сонную артерию. Мне вспомнились слова Юли о том, что ей все ноги искололи в поисках нужной артерии. И от врача несло спиртным. Такое

совпадение меня насторожило.

Я пошёл в палату к Юле. Она должна была лежать сутки, не поднимаясь, и, главное, не сгибая ноги. А ко всем прочим бедам перед тем, как она пошла в больницу, её стал мучить цистит. Мы даже прогулки по набережной в последние дни сократили до минимального расстояния. Она упоминала об этом врачам в кардиологическом отделении, но те сказали, что это не по их части, это нужно ложиться в урологию. С такой проблемой она и осталась. Я старался исправно исполнять роль сиделки. Только на ночь попросил подежурить нянечку, с которой мы познакомились ещё в прошлое пребывание Юли здесь. При этом она даже от оплаты в этот раз наотрез отказалась, очевидно, помня мою прошлую благодарность.

Подсев к Юле, я сказал ей о нашем разговоре с хирургом. Услышав, что стент поставили не на сонную артерию, а на позвоночную, и что предстоит ещё одна операция, Юля просто мне не поверила.

– Ты не так понял врача, – сказала она. – Этого не может быть.

Но через некоторое время в палату вошёл хирург-грузин и подтвердил сказанное мною.

– Как вы себя чувствуете сейчас? Лучше?

– Немного лучше, – ответила Юля неуверенно.

– Ну, а как же? Иначе не стоило ничего делать, – сказал врач и удалился.

Юля была в шоке. На следующий день ей разрешили ходить. Мы начали было с нею прогулки по коридору, но теперь она быстрее уставала и сразу шла к кровати. С соседками по палате она почти не разговаривала и была очень недовольна, если я отвечал на их вопросы и даже дарил книги.

— Они пристают к тебе и не дают нам с тобой поговорить, — рассердилась она.

Такое отношение к соседкам меня очень удивило, так как вообще-то Юля была очень общительна всегда, в больницах оставались у неё подруги, с которыми она потом созванивалась. А тут мы практически всё время молчали с нею, глядя друг на друга, если я не задрёмывал. Но это она терпела нормально.

Кто-то из женщин сказала Юле:

— Вы бы отпустили мужа домой, а то он не высыпается.

Она ответила:

— Да он не уйдёт. Я же знаю его.

И я действительно уходил, только когда кончалось время посещений.

В четверг Юле сказали, что в пятницу её выписывают из больницы. Я спешно раздариваю принесенную партию книг. В пятницу утром Юля позвонила и сообщила, что её оставляют в больнице, а в понедельник сделают операцию на сонной артерии. Я обрадовался и сказал, чтобы она не волновалась, что после занятий в институте заеду к ней.

Занятия у меня ещё не кончились, когда опять позвонила

Юля и сказала, что всё-таки её выписывают в пятницу и уже принесли выписной эпикриз.

Это даже меня потрясло, а уж Юлю тем более. Вечером, даря свою книжку лечащему врачу, я узнал от него, что повторная операция планируется через две-три недели. Смотрю в эпикриз – там ничего об этом не сказано. Спрашиваю, в чём дело. Врач читает заключительные рекомендации о лечении под наблюдением врача в поликлинике и говорит, что это недосмотр при печати, тут же вписывает ручкой, что нужно придти на консультацию через две недели.

Однако, выйдя из стен больницы, Юля ошеломила меня фразой:

– Я больше сюда никогда не вернусь.

Я не стал ей возражать. Думал, что слова выскочили внезапно от расстройства и что это пройдёт. Я не знал, какое решение созревало в голове моей Юлиньки.

Эпитафия

Две следующие недели прошли для меня как в тумане. Мы не ходили гулять на набережную, так как Юлия сказала, что ей трудно передвигаться: болят ноги. Она пожаловалась на то, что из-за остеохондроза ей трудно поворачивать голову. Всё время её беспокоила проблема цистита.

По совету дочери, которая взяла на себя все хозяйственные дела в квартире, я нашёл в интернете платного уролога и вызвал его на дом. Он приехал со своей техникой, провёл обследование и сказал, что ничего страшного нет, нужно только пить лекарства, которые он тут же выписал.

Юлия ходила по комнате, хмуро поглядывая на нас с дочкой, как мы стараемся ничем её не загружать, ничем не беспокоить, требуя от неё регулярно пить лекарства. Но вот она заявила мне, что ничего ей не поможет, ничего уже сделать нельзя, все наши старания напрасны.

В то же время она внимательно следила за моим здоровьем. У меня в это время лопнули сосуды на глазу. Он покраснел, и я купил глазные капли. Юлия садилась на диван, клала мою голову себе на колени и закапывала мне пипеткой капли, нежно гладя меня по голове, удерживая её некоторое время после закапывания.

Мы боялись оставлять Юлию дома одну. Когда я уходил на работу, дочка была дома и уходила, только когда я приходил.

А Юля всё это видела и понимала. Однажды, прижавшись ко мне головой, она прошептала:

– Любимые вы мои, как же вы меня не понимаете. Я не могу видеть, как вы всё для меня делаете, отрываясь от своих дел. Для меня всё кончено.

Я пытался успокоить её словами, что всё будет нормально, но она не верила мне. Она отказывалась пить лекарства, утверждая, что это бесполезно. Я согласился сократить число таблеток. Мы уговаривали её пить хотя бы то, что прописал уролог, чтобы прошёл цистит.

Она просила не включать телевизор. Я нашёл для неё в компьютере музыку Чайковского из балета «Щелкунчик», которую она любила, но она попросила выключить. Она боялась упасть в комнате и ходила, опираясь на стены, стулья, стол.

Однажды у неё поднялось давление. Я вызвал скорую помощь. Приехала молодая женщина. Измерила давление. Поговорила с Юлей. Сделала укол. Сказала, что тут нужен психиатр, и уехала.

Поздно вечером мне нужно было ложиться спать, так как утром рано собирался встать, а Юля сидела на кухне. Я спрашиваю, что она тут делает. А она разливает кипячёную воду из бутылки в разные чашки. Спрашиваю «Зачем?», она отвечает: «Так надо». Я сказал, что не пойду спать, пока она не ляжет. Тогда она легла. А ночью я проснулся от звонка в дверь. «Кто это может быть?» – подумал я и подошёл к две-

ри. За дверью стояла Юля в одной ночной рубашке.

Я обнял Юлю, ввёл в комнату, спрашивая, зачем она вышла в коридор. Она дрожала, прижавшись ко мне, и ничего не говорила. Уложив её в постель, я положил ей руку на плечо, и она уснула, а я пошёл на кухню посмотреть, есть ли мусор в ведре. Может, Юля захотела ночью вынести мусор к мусоропроводу. Но ведро оказалось почти полным. Значит, она выходила не для этого. Но зачем?

На следующий день я пошёл в поликлинику этой больницы имени Бакулева и рассказал о состоянии Юли. Я спросил, не в сосудах ли дело. Главный специалист, у которой лежала карточка Юли, сказала, что они тут не причём, а нужен психиатр. Вечером я позвонил в скорую психиатрическую помощь, которая, как сообщалось в интернете, работает двадцать четыре часа в сутки. Но голос в телефонной трубке ответил, что на дежурстве один психиатр и выехать он не может, так что лучше позвонить завтра утром.

Мы долго сидели с Юлей на диване. Её колотил озноб. Я обнял её, прижал голову к груди, а она прошептала:

– Милый мой, я жила только для тебя.

В этот вечер я запер входную дверь на ключ, вынул ключ из замочной скважины и повесил на гвоздик. Я думал, что, если в сонном состоянии Юля захочет снова выйти, то, найдя дверь запертой, она вернётся назад. Но я глубоко ошибся.

Ночью сквозь сон я услышал, как хлопнула дверь. Проснулся. Юли рядом не оказалось. Я поднялся, заглянул

на кухню. Увидел пришедшую только что туда дочь. Спросил:

— Где мама?

Дочь мгновенно бросилась к входной двери. Она оказалась отпертой. Мы выскочили в коридор. Дочка побежала по коридору, завернула за угол к балкону и через минуту в слезах бросилась мне на шею, говоря:

— Там мама... внизу... она упала.

Мы жили на десятом этаже. Коридор вёл на балкон задней лестницы. Я побежал туда и увидел, что далеко внизу на фоне чёрной ночи белеет распластанное тело моей любимой.

Так закончилась наша любовь и осталась только моя. Она хотела жить, но не знала зачем. Испугалась, что больше ничего не может. Ах, если бы я прочитал ей свои стихи, которые написал ей почти пятьдесят лет назад.

*Тебе, если жить,
ты не знаешь, зачем.
Страдать и любить
от грачей до грачей.
Метели простуженной
слышишь ответ:
тебе это нужно,
а может, и нет.*

Ночь увязалась

*одна за другой.
Кому нужна старость,
а с нею покой?
Море натуржно
рыдает в ответ:
тебе это нужно,
а, может, и нет.*

*Но если бы ночь обломала края,
и в мире остался один только я,
последние звёзды сорвались, звеня,
о, я прошептал бы:
живи для меня!*

*Живи для меня, если ночь коротка!
Живи для меня, если даль далека!
Живи, непослушная вечной судьбе!
А я подарю своё сердце тебе.*

*Чтоб большие никто это сердце не крал.
Чтоб большие никто его жертвой не стал.
И только когда я пойду на врагов,
как меч на ладони, протянешь его.*

Я не напомнил ей эти строки, и она оставила меня, распластавшись по земле, как подбитая птица. Она была пара-

шютисткой. Может быть, ей показалось, что она прыгает с вышки с парашютом. Но парашют не раскрылся.

Она всё рассчитала. Это была пятница второй недели после больницы. Нам следовало прийти в этот день в поликлинику. Но Юля сказала, что не вернётся туда. И не вернулась. Она была всегда сильной, моя Юлинька.

Когда мы с нею ещё не были женаты, я написал и подарил ей притчу о любви.

В августе ялтинские ночи удивительно похожи на сказку. Луна большая, яркая и добрая, как улыбающаяся няня, которой хочется приласкать ребёнка. Звёзды – что слёзы чистые: каждая висит отдельным фонариком – хоть пересчитывай все. И зарницы, словно драгоценные камни на груди у девушки, – вспыхнут на мгновение и пропадают. Море – оно шумит осторожно, ласково, медленно поглаживая песок серебристыми волнами.

А тепло-то как в эту пору! Разденешься совсем, и всё кажется, что не снял ещё чего-то. Хорошо!

В одну из таких ночей спросила девушка, прижимаясь к плечу любимого:

– Скажи, милый, что такое настоящая любовь?

Всхлипнула береговая чайка спросонья. Лёгкий ветерок сдул прядку волос со лба парня. Каштаны пошептались невдалеке и стихли. Море и то замерло на секунду.

– Видишь луну? – начал парень. Всю жизнь она ходит

над красавицей землёй. А земле что? Светит луна – хорошо. Нет – звёзды будут ещё ярче. Земля-то она большая. Ей бы солнце горячее к груди прижать.

Но любит луна землю. Светит и светит ей, не уставая, тысячи лет. И дышат моря приливами и отливами, и появляются на земле песни, и становится любовь чище, и душистыми расцветают ночные фиалки.

Земля видит это и благодарит луну. А она ещё ярче от этого сияет. Вот что такое настоящая любовь. И поцеловал парень девушку в самые губы. И снова зашептались каштаны.

– Юлинька светила мне всю жизнь, как луна земле, и вот теперь погасла. – Он повернулся на спину. Из его глаз катились слёзы. Я не знал, чем можно помочь человеку в такой ситуации.

– Я что-то должен был сделать, – проговорил он, останавливаясь после каждого слова, – но не сделал, должен был понять её, но не понял. Это я виноват, – и старик заплакал почти навзрыд.

Наконец, немного успокоившись, он сказал:

– Я написал такую эпитафию моей Юлиньке:

Ты ушла от нас по доброй воле.

Из любви к нам навсегда ушла.

И теперь лазоревые зори

будут без тебя, моя душа.

*Будут без тебя, моя хорошая,
плакаться в предутренний рассвет.
Буду навсегда, тобою брошенный,
оставлять во времени свой след.*

*Положила мне на душу камень ты
и ушла из жизни, не простясь.
Этот камень давит меня днями,
выбивая слёзы мне из глаз.*

*Ни жены, ни хорошей знакомой,
что вошла бы подругой ко мне.
Я тобою в оковы закован
и задавлен меж тяжких камней.*

*Вся душа моя рвалась в дорогу.
Обрубила ты крылья её.
И теперь, как пиявка, тревога
мою силу из сердца сосёт.*

*Да, я умер с тобою. Умер.
Уж не встать мне среди стихий.
Хоть, как прежде, строку я рифмую,
по привычке кладу в стихи.*

*Жизнь идёт – это так, конечно,
но проходит, минуя нас.
И вина меня давит вечно -
не сумел я. Тебя не спас.*

Он не поднялся на ужин, отмахнувшись слабо рукой на моё приглашение. Мне казалось, что он заснул. А утром, когда медсестра разносила градусники, она вдруг вскрикнула: – Батюшки, да что ж это такое? Он же совсем холодный. И я понял: исповедь оказалась последним дыханием человека, даже имени которого я не успел узнать.

БУЖЕНИНА

Есть у меня приятель, с которым мы работаем в одном институте и на одной кафедре. Он всегда ходит подтянутым, стройным, всегда в костюме и при галстуке. Волос у него на голове осталось не так много, что естественно при его возрасте, но он их ещё зачёсывает назад, несколько прикрывая лысеющую макушку.

Студенты его любят, во-первых, потому что он преподаёт иностранный язык, а во-вторых, по причине его мягкости характера: ему почти всегда легко сдать экзамен или зачёт, и поэтому многие «хвостисты», не сумевшие отличиться перед другим преподавателем, шли к Павлу Петровичу на пересдачу. Денег или каких-то подношений он не брал, а только сочувственно вздыхал, слушая заплетающийся ино-

странный язык студента и его пояснения, почему тот не знает грамматики, которую плохо преподавали в школе по причине частой смены учителей и полного отсутствия разговорной практики, и обещания нерадивого студента обязательно взяться за язык, поскольку он понимает, что без него теперь никуда.

Когда Павла Петровича спрашивали, почему он так мягок со студентами вместо того, что бы строго требовать от них учёбы, он, слабо улыбаясь, отвечал:

– Иностранный язык – это как музыка. Её невозможно учить из-под палки. Так и тут. Только те, кто хотят знать язык, могут его освоить, а те, кто не хотят, хоть кол на голове теши, его знать не будут, пока не попадут в обстановку, где без этого языка невозможно обойтись, так как все на нём общаются. Тогда волей-неволей заговоришь.

Студентов он научил обращаться к нему «Мистер Поль», как его называли долгие годы работы за границей, а мы в своём кругу звали его Петровичем. Весёлый и компанейский по натуре он всегда посещал все наши институтские мероприятия, любил бывать на застольях, я приглашал его к себе домой на празднования. И не было, пожалуй, среди нас рассказчика лучше, чем он. Так что, когда он брался за бокал произносить тост или просто вступал в разговор, то всегда от него ожидали чего-то необычного. Все знали, что когда-то Павел Петрович работал в научно-исследовательском институте виноделия и виноградарства, так что не удивля-

лись, когда он рассказывал о вине, например, так:

— Всем вам, конечно, известно, что виноград и вино появились на заре человечества и вместе с радостью приносили людям беды в виде алкоголизма, а с ним и сопутствующие неприятности: драки, убийства и даже войны. Бороться с пьянством пытались во многих странах и во все времена. Даже в нашей стране в период социализма объявляли сухой закон, из которого, правда, ничего не вышло, только шума много было. И виноградники вместе с плохими иной раз хорошие вырубали, и очереди за спиртным в магазинах вырастали, так как многие стали закупать вино и водку впрок, а потому и пили больше. А что же делать, как устоять, дома стоят непочатые бутылки? Но я сейчас не об этом хочу рассказать, а поведать вам легенду о рождении вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.